

Петр Ингвин

16+

КВАЗДАПИЛ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Начало дилогии

Кваздапил

Петр Ингвин

**Кваздапил. История
одной любви. Начало**

«Автор»

2017

Ингвин П.

Кваздапил. История одной любви. Начало / П. Ингвин —
«Автор», 2017 — (Кваздапил)

Сдается мне, джентльмены, это была комедия. Или трагедия. Решайте сами.
Пронзительная молодежная драма с привкусом шовинизма под соусом
большой любви. (Дизайнер обложки Галина Николаиди)

© Ингвин П., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Сестра друга	9
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Петр Ингвин

Кваздапил. История одной любви. Начало

Пролог

Когда смеются так заразительно, нельзя не подключиться. Мы с Гаруном, два серьезных четверокурсника, хохотали как в далеком детстве, дружно, в голос, не в силах остановиться.

Смех продлевает жизнь. А что делать, если вся моя жизнь – смех? Смех и слезы. Смех сквозь слезы. Смех вместо слез, чтобы выглядеть круче. Но все равно – слезы, слезы, слезы. Себе и другим. И потому – смех, а не жизнь.

Додумать мысль и довести суровую правду до какого-то нужного вывода я не успел. Дикая хохот на грани жизни и смерти будто отрезало. Полное ощущение, что около уха взорвалась граната. Звуки исчезли. По лицу Гаруна прошла рябь, оно растянулось, похожее на живые щупальца, и оплыло полупрозрачными кляксами с глазами, ртом, носом и ушами, стекавшими с шеи и дальше с тела и дивана, как часы на картине Сальвадора Дали. Фантазмагорические потеки сползли на пол и растворились в окружившей меня мгле. Мир заволочло туманом.

Серая пелена застилала глаза недолго, ее пронзил яркий луч, и картинка передо мной превратилась в другую. Комната осталась комнатой, но я в ней был один, лежал в кровати и жадно хватал ртом воздух. В лицо било утреннее солнце. Недавняя жуть оказалась иллюзией, хитрой проделкой подсознания.

В груди мощно стучало сердце. Grimаса истерического смеха все еще сводила скулы, а перед глазами блеснул нож Гаруна, жаждавший познакомиться с сердцем. А ножик и сердце – они, если честно, не пара, не пара, не пара, как пелось в назойливой песенке. Дикая история мне приснилась, можно расслабиться.

А Хадя? С какого момента явь перешла в сон – до или после звонка Фильки?

Дата на телефоне подсказала, что о смерти Хади мне уже сообщили. Яркий мир вновь потускнел.

Встать? А зачем? Последний вопрос с философской точки зрения был намного глубже, чем казалось. Зачем и как жить дальше? Что делать? Для чего? Иными словами, опять же – зачем?

Круг замкнулся. Нож. Смех. Жизнь. Смерть. Любовь.

Зачем?

Не жизнь, а смех.

После того, что приснилось, заснуть не получится. Я заставил себя встать, умылся и отправился готовить кофе. Не готовить, конечно, а растворять. Две чайных ложки с горкой на маленькую чашку – чтобы глаза на лоб полезли. Или, наоборот, чтобы вернулись оттуда.

Если во сне Гарун пришел за моей жизнью – значит, что-то внутри меня ждет такой развязки. Можно все свалить на великую любовь, но любовь – чья? Моя. Не любовь толкала меня на необдуманные поступки, а собственные прихоти. За что я избил Машеньку? За ее следование безрассудным желаниям и страстям. Разве мои поступки продиктованы чем-то другим? Потому я и ждал от судьбы возмездия. В моем случае, не ремня, а ножа. Это будет справедливо.

Кофе не помог. Надо было пить успокаивающее.

Когда я мыл чашку, раздался звонок в дверь. Открыть? После такого сна?

Звонок повторился. Тот, кто пришел, знал, что я дома. Что-то подсказывало, что это Гарун.

Говорить нам не о чем. Он знает, что делать, а я знаю, что он сделает. Просить пощады – унижать себя, пощада традицией не предусмотрена. «Мене, Текел, Фарес» – как на библейском

пиру. Время разбрасывать камни, и время собирать камни, и воздастся каждому по делам его. Кажется, я готов. Аминь. Я неумело перекрестился (не знаю, почему вдруг, ведь никогда в жизни этого делал) и отворил дверь.

Перекрестился я, как оказалось, не зря. Сработала интуиция. На пороге стоял священник в черном облачении со свисавшим до живота желтым крестом на цепочке, в руках он держал потрепанный старый портфель, пышная седая борода опускалась почти до креста.

– Александий?

Я кивнул. После того, что приснилось, реальность воспринималась продолжением сна.

– Поступила заявка, причем очень настойчивая. Я выслушал и не смог отказать.

– Заявка? – Я не понимал, о чем идет речь и что, вообще, происходит.

– От вашего горбоносого друга.

– От Гаруна?

– Он не представился. Ваш знакомый уверен, что сегодня вы умрете, и он, человек другой веры, просил сделать все, что полагается по нашим традициям. Вы крещеный?

– Да. По святцам – Александр.

– Вы действительно хотите свести счеты с жизнью?

– Не собирался и не собираюсь.

– Простите. – Священник развернулся, чтобы уйти.

– Пойдите, Гарун вам не солгал, но речь шла не о самоубийстве. Меня сегодня убьют.

– Убьют?!

– Зарежут.

У священника рука машинально поднялась почесать затылок, в последний миг жест сменился, ладонь огладила бороду.

– Почему?

– Причина есть.

Священник нахмурился.

– Вы признаете вину и готовы за нее умереть?

– Да.

– Разрешите войти?

– Пожалуйста. Чаю?

– Не откажусь.

– Проходите на кухню. Только подождите минутку, я переоденусь.

Сменив халат на джинсы и рубашку, я включил электрочайник, подготовил чашки с ложечками, выставил на стол сахарницу и заварочный чайничек – мама не любила одноразовые пакетики, по этой причине они в доме не водились.

Взгляд священника пробежал по моей шее. Крестика не было.

– В Бога не верю, – честно сказал я.

– А в кого или во что веришь?

– В себя.

– Результат нравится?

Чайник взбурлил и щелкнул выключателем. Я с радостью, что можно отвлечься, занялся разливанием чая в чашки. За это время созрел провокационный ответ-аргумент.

– Если, как говорят, Бог есть любовь, почему в мире столько несправедливости?

– Бог есть любовь, а не судья. Он сотворил человека свободным и отнять эту свободу не может, не может вторгнуться в мысли и поступки. Быть с Богом или быть вне Бога, каждый выбирает сам.

– Ад – это быть вне Бога? – Однако, оригинальный поворот. А как же черти и горящие сковородки?

– Бог не запрещает делать зло, за человеком остается свобода, как за разумным существом. Исаак Спирин писал, что милосердие, то есть Любовь, и правосудие в одной душе то же, что человек, который в одном доме поклоняется Богу и идолам. Как сено и огонь не могут быть в одном доме, так правосудие и любовь в одной душе. Мы грешники, а Христос за нас умер. Где справедливость? Бог несправедлив, поскольку Он не судья. Он – Любовь. – Священник смотрел на меня с успокаивающей серьезностью, в уголках глаз лучились морщинки. – Не врач нас наказывает, когда мы не слушаемся его предписаний и нарушаем законы жизни организма, мы сами себя наказываем.

Над чашкой поднимался пар. Священник подул на нее, отхлебнул на пробу и отставил остужаться.

– Тебе, наверное, стоит рассказать мне, что случилось. Выговориться – лучшая терапия. Не знаю, смогу ли помочь, но рассказ поможет тебе самому.

И я рассказал. С пылом, с бурлящим неприятием жизненной несправедливости, с обличающими эмоциями ко всем участникам событий, включая себя самого. К себе особенно. Я рассказал, что чувствую себя виновным в смерти любимой девушки и готов умереть. Любовь была целью и смыслом жизни, теперь смысл исчез. Я даже подумывал наложить на себя руки, но это не понадобилось, меня убьют без моей помощи.

– Теперь мне снятся дикие сны, – закончил я. – Раз за разом, как в кино про день сурка, проигрываются ситуации из недавнего прошлого и вариации скорого будущего.

– Они к чему-то ведут?

– Не пойму. Иногда кажется, что во всем есть смысл, но какой-то хрупкий и призрачный, и он рассыпается, едва я проснусь. Во снах я стараюсь переделать события по-другому. Ничего не выходит. Финал у всего один.

– Что ты делал, чтобы изменить ход событий?

– Все! Чтобы спасти любимую, я нарочно вел себя, как последняя скотина, заигрывал с ее сестрой, предавал ее брата.

Священник покачал головой:

– Это не выход. Ты действительно верил, что вести себя как свинья – тоже путь к счастью?

– Для спасения той, кого люблю, я готов на все.

– Думаешь, спасение в этом? – Священник помолчал. – По твоему мнению, если бы она разуверилась в тебе, то стала бы счастливее?

– Тогда ее не убили бы.

Мои доводы священника не убеждали. Я и сам понимал, что неправ.

– В полицию заявить не хочешь?

– Нет. Я виновен и должен ответить за свои поступки.

– Читал Евангелие? Кто первым попал в рай?

– Раскаявшийся разбойник. Это типа, намек, что если покаюсь, все простится, и я попаду в рай?

– Поговорим в других терминах, если эти смущают. «Мастера и Маргариту» читал? Вспомни диалог о Мастере в финале: «Он не заслужил света, он заслужил покой».

– А я заслужил вечный покой. В том, что я делал, света не было.

– Если бы ты твердо знал, что Бог есть, твои поступки изменились бы?

Хороший вопрос. Знать бы, что Бог есть – и жизнь вокруг станет другой.

Ответил я несколько в ином ключе:

– Если хорошие поступки совершать из страха перед адом, а не по велению сердца – это неправильно.

– Кто говорит про страх? – Священник ненадолго умолк. – Может быть, исповедуешься? Если хочешь, смотри на это как на сеанс у психотерапевта, в твоём мятущемся сознании исповедь поможет кое-что повернуть в нужном направлении.

– Нужном кому? – язвительно бросил я. В дом не единожды заявлялись любители поговорить о Боге, трясли брошюрками, убеждали в моей неправоте и собственной непогрешимости.

– Тебе, – ответил священник. – Помочь себе можешь только сам.

– Давайте, – решил я. Было предельно ясно, что Гарун меня убьет, заботой о моей душе он подтвердил, что другого пути нет. – Хуже не будет.

Часть первая. Сестра друга

А на Земле разные края и страны, виноградники и посевы, и пальмовые рощи – от единого корня и от корней разных. Орошаются они одной водой, но мы предпочитаем для еды одни сорта другим. Поистине, в этом знамение для людей, имеющих разумение.

Коран, сура 13 аят 4 (смысловый перевод Б.Я.Шидфар)

Глава 1

Закатные лучи теплого июньского солнца били отражением из окон соседней высотки, после прошедшего дождя пахло свежестью. Я спокойно пересек двор от остановки до девятиэтажки, где жил Гарун. У подъезда пятеро земляков моего друга громко обсуждали что-то на своем языке. При виде незнакомца они умолкли, человеческая стена на миг раздвинулась и, стоило мне пройти, сомкнулась позади. Я спиной чувствовал провожающие взгляды.

На нужном этаже я немного потоптался, собираясь с мыслями. Когда палец вдавил кнопку, истошный звон потерялся в бумканьи басов и гомоне перекрикивавших музыку голосов. Дверь отворилась, придержавшая ее кареокая красавица улыбнулась:

– Кваздик? Я – Мадина, сестра Гаруна. Помнишь?

Мадина?! Вместо путавшейся под ногами соплюшки, требовавшей включить ее с сестренкой в наши игры, передо мной в выразительном изгибе струилось обворожительное создание. По плечам Мадины рассыпалась сверкающая тьма, в прежние времена сплетенная в косу, чернее – только черные дыры космоса, и две из них глядели на меня из-под излома бровей. Большинство пришедших отметить окончание сессии учились со мной на четвертом курсе, а Мадина только на втором. Юность и порывистость чувствовались в движениях, но изменения с последней встречи произошли разительные. Наполнение зеленого платья притягивало взгляд, прямой взор волновал, кровь начинала искать другое русло, что непростительно с сестрой друга-кавказца. Мой взгляд стыдливо упорхнул.

Мадину полупобеда не устроила. В дверном проеме воспроизвелась отрепетированная поза, предельно выпятившая все, что выпячивалось хотя бы в принципе. Однако, выросла девочка. Но и перед ней стоял не мелкий шалопай Кваздик, а сто семьдесят сантиметров ума и мышц, обремененных, к моему стыду, балластом из нескольких килограммов. Добродушный увалень с вечно растрепанными вихрами – таким я стал за эти годы.

Мадина узнала меня сразу, радость от встречи грозила прорвать дамбу приличий, а лишний вес фигурировал только в моем мозгу. Он там всегда фигурировал, когда оказывался рядом с прекрасным полом.

– Привет, – сказал я, чтобы что-то сказать.

Мадина убедилась, что изменения внешности замечены и оценены, и отступила на шаг, при этом созданная для меня композиция полностью проход не освободила. Песочные часы талии жалили взор, прямой взгляд не давал сосредоточиться. По выразительным тонким губам пробежал язычок. Девочка не просто выросла, девочка повзрослела. И при чем здесь слово «девочка»? Передо мной стояла созревшая молодая женщина, и каждым из употребленных определений несло за версту – молодостью, женственностью... а в отношении зрелости умолчу, о сестре друга так думать не стоило. Заменяем термин спелостью, будет точнее. И представим не налитое яблоко, не тугой арбуз или размякшую дыню, а сочный персик.

Фу, ну и сравнения, как у торговца с базара. А с другой стороны, что поделать, если это правда?

Я не рискнул протискиваться и остался снаружи.

– Как дела? – поинтересовалась Мадина.

– Вчера права получил.

Вырвалось, не удержался, хотя хвастаться особо нечем. Права – еще не автомобиль. Ход девичьей мысли был ожидаем:

– Машину купил?!

– Не совсем. Накопил на одно колесо. Теперь ускорюсь, с правами мотивация станет сильнее. Надеюсь, к концу учебы хватит сразу на два.

– Такой же весельчак, ничуть не изменился.

– О тебе не скажешь, что не изменилась.

Лесть пришлась к месту.

– Найду брата, скажу что ты пришел. Заходи, не стесняйся.

Квартира, в которой сокурсники праздновали окончание учебы, ходила ходуном, музыка грохотала, я не различал ни одного слова – ни русского, ни нерусского.

Лицо Мадины приблизилось к моему:

– На медленный танец пригласишь?

– Обязательно.

В их семье сильны традиции, а мы уже не дети, поэтому я добавил:

– Если брат разрешит.

Глава 2

Не верилось, но встретившая меня в дверях чеканная красавица оказалась мелкозадиристой Мадей, которая мешала нам с Гаруном строить баррикады из стульев и вечным нытьем доводила до каления. Хорошо, что в то время она в основном сидела со второй сестричкой – Хадижат. Других братьев и сестер у Гаруна не было. Трое детей для городской семьи их национальности считалось нормальным, зато двоюродной и прочей родни – замучаешься считать. Для нас, маленьких, не знавших слова «национальность», мир отдельно живущих родственников представлялся параллельной вселенной, она отвлекала от серьезности детских игр. У нас текла своя жизнь и были свои, неизвестные взрослым, ежедневные приключения.

Теперь Мадина выросла... очень. Повторяюсь, конечно, но впечатление она произвела такое, что повториться не можно, а нужно.

– Против тебя Гарун возражать не будет. – Вееры изогнутых ресниц чувственно опустились. – Буду ждать.

Ладная фигурка в обтягивающем зеленом платье удалилась в сумбур людей и звуков.

Сегодня не разувались, и я, сбросив куртку, тоже влился в домашний сабантуй, кивая девушкам, а с парнями здороваясь за руку. Из мужской половины русским был только я, остальные – приехавшие на учебу земляки друга и его местные друзья-родственники схожего с нами возраста. С девушками дело обстояло наоборот, с двумя исключениями – в лице Мадины и ее мелькнувшей среди расфуфыренных девиц младшей сестры, которая ютилась где-то в углу, скромно одетая и отрешенная от окружавшего веселья. Музыка гремела, заполненная народом комната ходила ходуном, кто-то танцевал, кто-то пил за длинным столом или около него, кто-то общался, перекрикивая остальных.

– Гвоздопил пришел! – разнеслось по верх общего гвалта, и, как носорог через джунгли, сквозь толпу ко мне ринулся хозяин квартиры.

Я даже не поморщился. Гвозди не пилю и никогда не пилил, а насмерть присосавшееся в детстве прозвище звучало по-иному. Кваздапил. Отсюда сокращение «Кваздик». Замордованный смешным обращением, в давние времена я пробовал сменить кличку, требовал называть по имени, обижался... Не помогло. Лучшее, что делают люди в таком случае – смиряются. Стоило принять как данность, что отныне я Кваздапил, и все стало нормально. К тому же, настоящее имя, которым по настоянию бабушки меня называли в честь геройски погибшего прадеда, звучало не менее затейливо. Александрий. С прозвищем – два сапога пара. А когда посторонние слышали ласковое родительское «Ксаня», на слух оно воспринималось как «Саня», и позже некоторые обращались ко мне как к Шурику. Чтoб избежать путаницы, я выбрал быть Кваздапилом. Было в этом что-то хулигански-задиристое. В конце концов, не имя красит человека, а человек имя. Перефразируя древнюю мудрость, лучше быть львом Кваздапилом, чем, скажем, цепным псом Цезарем.

– Молодец, что пришел. – Гарун по-дружески обнял, его ладонь несильно похлопала меня по спине.

Невысокий, среднего телосложения, он не выделялся какими-то особенностями, но несмотря на то, что Гарун был предельно обычным, не принять его всерьез или случайно задеть – значило обрести неприятности всерьез и надолго. Накачанный торс вкупе с ищущим приключений взглядом намекали на тренировки в качалке и на матах, черная щетина на щеках и нос с горбинкой придавали лицу схожесть с брутальными персонажами из рекламы. На губах висела вечная улыбка в тридцать два крупных зуба, которым позавидовали бы негры и недареные кони. Наши сокурсницы и подруги сокурсников находили Гаруна завидным кавалером, хотя сами сокурсники частенько его сторонились.

– Располагайся. – Гарун обвел рукой комнату, указав сразу везде. – Многих знаешь, кого не знаешь – подходи, знакомься, у нас с этим просто. Наливай-накладывай себе сам, приглашения не жди, чувствуй себя как дома. Много внимания уделить, извини, не смогу, сам видишь за скольким слежу, в этом дурдоме я за главного. Будут проблемы – находи меня или Мадину. Прости, я побежал. Отдыхай!

Он умчался по очередному зову, что больше напоминавшему слоновий рев.

Меня удивило, что в качестве заместителя Гарун избрал разбитную Мадину, а не Хадижат. Младшая по-прежнему избегала досужего внимания и пряталась в углу накрытого стола, подальше от всех и всего, что нарушало покой. Похожая на старшую сестру чертами, младшая была противоположностью в остальном: вместо дерзкой худобы – обволакивающая мягкость, вместо жгучего взгляда в упор – быстрый взмах обычно кротко опущенными ресницами в моменты, когда собеседник отвлекся. Одна активно радовалась суете, вторая смиренно принимала ее, как в свое время я свое прозвище. В разговорах со мной Гарун часто восторгался малышкой Хадижат, а Мадина такой чести не удостоивалась, вести о ней сопровождались кривлением губ. Потому, наверное, и вызвал удивление возникший в дверях образ. Есть поговорка, что чужие дети растут быстро. Это касалось и чужих сестер.

Под неусыпным приглядом брата Мадина училась в институте два года, а Хадижат – один год, они втроем жили на съемной квартире, и если младшая сестра беспокойства не причиняла, то старшая оказалась шилом в, вообще-то, и без того бурной жизни приятеля. Гарун признавался, что устал следить за ней и периодически выпутывать из щекотливых историй. Дорвавшаяся до свободы, Мадина совершенно не жаждала соответствовать стереотипу горской женщины – покорной, скромной и домашней. Мадине понравилось блистать. Ее влекло к шуму, людям и приключениям. В результате мечтой Гаруна стало как можно быстрее выдать сестрицу замуж.

Вторую сестру, Хадижат, называли просто Хадей, именовать длинно и строго столь милое создание, не умевшее мухи обидеть, было невозможно. Случайно пересекшись с ней взглядом, я подмигнул, показывая, что узнал и рад встрече. Хадя смущенно кивнула, на щеках вспыхнул румянец.

Что ж, приличия соблюдены, я перевел взор сначала на ожесточенно споривших на своем языке Гаруновых приятелей, потом на цветник из плюшевых блондинок, раскинувшийся вдоль ближней ко мне стороны стола. Рядом с ними оставалось место на придвинутом к яствам диване, и я направился туда.

Едва я плюхнулся на диван, соседка – одна из звезд потока, пухленькая златокудрая красавица – устала на меня в упор в ожидании банального словоблудия на тему ее достоинств и моего ими восхищения.

– Привет, Настя, – кратко поздоровался я. Остальное – не по моей части.

Знойная пухленькая ручка придвинула ко мне стакан:

– Налъешь?

Почему не налить, это моя обязанность как кавалера. Стол просто ломился от алкоголя всех видов и форм. Делать все с размахом и пускать пыль в глаза – особенность каждого из организуемых кавказцами праздников, а предполагаемое присутствие прекрасного пола ликвидировало барьеры как понятие. Сегодня в девушках недостатка не было, потому в выборе и количестве спиртосодержащей продукции ограничений не могло быть в принципе.

– За что выпьем? – Настя подняла налитое вино.

– За лето и за свет в конце тоннеля, – провозгласил я, напомнив о цели сборища.

У меня не было девушки, а у Насти, по слухам, личная жизнь бурлила: кроме постоянного ухажера (при деньгах и хорошей машине) имелись и более покладистые поклонники, не возражавшие против вторых и даже третьих ролей. Меня такие отношения бесили. Хочешь встречаться – встречайся с одним, так меня воспитали, так я собирался строить жизнь. К сожалению

нию, пока почему-то не получалось. На рынке отношений между парнями и девушками царили правила, в которые мое мировоззрение не втискивалось. Девушки, которые привлекали раскрывшейся внешностью и внутренностью, видели во мне чучело гороховое, а те, кто поглядывал с интересом, категорически не нравились. Потому я и ходил один, неуклюжий и постоянно задумчивый, не желая тешить чье-то самолюбие в качестве дополнительного валета в колоде из тузов и королей, не возражавших, что на взгляд с другой стороны у всех одна рубашка.

Настя была из тех, с кем я хотел бы дружить... не будь у нее никого.

– Ты без подружки? С кем тебя познакомить? – Рука со стаканом обвела присутствующих.

– Я сам.

Поняв, что становиться благодарным протеже и расточать комплименты я не в настроении, Настя отвернулась, и в тот же миг ее сдвинуло ураганом по имени Мадина.

– Как отдыхается? – Налетевшая фурия приникла в мимолетном касании, меня обдало теплым ветром, а Настю едва не опрокинуло. – Можно присесть?

Зеленое платье втиснулось между нами еще до ответа, о котором ни я, ни Настя так и не узнали. Мадина сама налила себе из пластиковой полторашки без опознавательных знаков.

Чрезмерное внимание, с первой секунды оказываемое сестрой друга мне, как одному из лучших друзей брата, заключалось не в упомянутой дружбе. Мадина, как доходило до меня из разных источников, искала приключений... и не находила. Приключения шарахались от нее, словно от прокаженной. Причина – брат и его окружение. Русские приятели предпочитали не связываться и гулять с русскими же девчонками, а кавказцы... Они тоже выбирали русских. Свои девушки были для них табу, с ними же кому-то брак заключать и детей заводить. Менталитет, гусли ему в мюсли. Всем хотелось чувств и развлечений, только у ребят с юга девушки в понятие «все» не входили. Ничего не поделатъ, такие мы разные. Может быть, и хорошо, что разные? Где нет конкуренции, там вырождение.

– Где живешь? — Меня в бок толкнул локоток, больше напоминавший коготь вышедшей на охоту хищницы. – Гарун как-то обмолвился, что с общагой тебя прокатали и приходится снимать угол непонятно с кем и где.

– Ложная информация. Не непонятно с кем и где, а с приятными людьми недалеко отсюда. И не угол, а комфортабельную койку в квартире на шестерых. – Большого не позволяли средства, которые присылали родители, а с собственным заработком не срасталось. В плане подработки я надеялся на пришедшее, наконец, долгожданное лето. – У меня все шикарно.

– В смысле, что бывает и хуже?

– Я один, мне много не нужно.

Мадина задумчиво сощурилась:

– Один, это все объясняет. Но – вшестером! Как вы там помещаетесь?

– Мы редко пересекаемся. Большинству нужно место, где приклонить голову, не больше.

– А тебе?

– Я спокойно занимаюсь учебой, пока остальные гуляют или спят.

Не то чтобы я такой правильный, да и сокомнатники не так часто дрыхнут и отсутствуют, чтобы сказанное было правдой, и все же назидательно показать моральное превосходство юной легкомысленной особе оказалось приятно. Начинаю понимать взрослых.

Хм. Это что же получается: детство кончилось? Я повзрослел?

– Можно мне как-нибудь придти посмотреть, как люди в таких условиях живут, да еще учиться успевают? У меня с Хадей комната на двоих, и то бывают драки за территорию. А один санузел на троих – вообще пипец.

Я так не считал, но кивнул, поглядывая по сторонам, где все шумело, галдело, двигалось, смешивалось и бурлило.

Мадину не устраивало мое молчание, ей хотелось поговорить. А когда женщина чего-то хочет...

– Почему в гости не заходишь? – склонилась она ко мне, заглядывая в лицо и почти касаясь грудью.

Я отстранился.

– В прошлые годы заходил, потом перестал. Мы с Гаруном каждый день на учебе встречаемся.

– Зря не заходил. Попили бы чаю, поболтали...

– Прости, отойду на минутку. – Я сделал вид, что мне понадобилось в упомянутое выше заведение, казавшееся собеседнице кошмаром, даже если оно одно на троих. Хотелось вырваться из-под ненужного мне провокационно-покровительственного внимания.

В отличие от большинства сверстников я уродился яблоком позднего сорта, девушкам кажусь неказистым и кислым. Впрочем, любители кисленького уже маячат на горизонте, изредка протягивая любопытные ручонки и норовя куснуть за бочок. Главным было не дать сожрать себя целиком, пока не приду к убеждению, что кусающий достоин такого права. Вокруг полно попавших не в те руки огрызков и переваренных плодов. В результате – оскомина, изжога, запор. И хорошо, если запор, а не наоборот, что есть тоже часто наблюдаемое среди знакомых явление.

Вопреки моему желанию сейчас меня откровенно пыталась надкусить вороная красавица, безумно притягательная, которая в других обстоятельствах заставила бы сердце стучать пулеметом. Но именно, что только в других. Если себя я сравнил с яблоком, то Мадина – яркий забористый мухомор. Мы живем рядом, но в разных мирах. Как кто-то иронично спел, перефразировав старую песню, «Дельфин и русалка, "Титаник" и айсберг – не пара, не пара, не пара».

Ванная комната, она же туалет, оказалась свободна. Я плеснул в лицо воды и постоял, глядя в зеркало. Полегчало. Мысли вновь подружились с логикой, я вытерся и вскоре был готов ко второму выходу в люди.

Наверное, не стоило отказываться от предложения Насти, появился бы шанс на будущее знакомство с подругами подруг...

Что меня сюда привело, кроме приглашения друга? Надежда встретить ту, о ком молила душа. Надежда не оправдалась, здесь меня окружали сплошные те, к кому тянется тело, а оно тянется ко всем, у кого грудь больше моей. А если и меньше – плевать, лишь бы гормоны вырабатывались противоположнополюе. Но душа болела, сердце просило чего-то большого и чистого. И опять не повезло, в прокрустово ложе мечты не укладывалась ни одна из кандидатур, шумливо бесновавшихся в окружавшем бедламе.

Глава 3

Мадина поджидала меня у выхода.

– Ну как, созрел? – Она перехватила меня под руку. – Потанцуем?

Музыка сменилась на медленно-ритмичную, под нее можно делать что угодно, хоть эротично прижиматься, обтекая партнера и растворяясь в его теле, хоть прыгать и на голове ходить. Мадина нервно ждала, в глазах вспышками светодиодного табло пульсировал вариант номер один.

– Давай, – вздохнул я.

С другой стороны стола Гарун танцевал с Настей, повисшей на нем, как сброшенное платье на вешалке. Я повел навязавшуюся партнершу туда же. Точнее, она меня повела. Ладонь Мадины была горячей и очень сильной. Издали за нами наблюдала Хадя, что больше ощущалось сердцем, чем глазами. Как я заметил, младшая сестра упорно отворачивалась от того, что ее действительно интересовало. Постоянный вид затылка с тугой косой и периодические косые взгляды сообщали, что мы с Мадриной заслужили ее внимание.

Когда в меня втиснулись грудь и бедра огненноокой горянки, я невольно отшатнулся – из разных мест комнаты за мной следили несколько нехороших взоров. Неприятности начались бы давно, прояви я такое же рвение, как неумная напарница. Пришлось именно мне стать в нашем тандеме сдерживающей силой.

– Давай вот так. – Мои сошедшиеся на тонкой талии ладони слегка отстранили Мадрину.

Нет, только попытались. Слово штангу в сто килограмм выжали. Пришлось очень крепко взяться, чтобы сдвинуть по-настоящему. Чувственные змеи, уже обвившие мою шею, нехотя расцепились, донесся едва слышный вздох досады, зато зеленое платье снова облегло хозяйку, а не меня.

То, что носительница другого уклада была совершеннолетней и хотела развлечься по чужим традициям, роли не играло. По рождению Мадина – горянка, а еще она была сестрой моего друга. Этих двух причин более чем достаточно.

– Их, что ли, боишься? – прямо спросила провокаторша.

В сторону не оставлявших нас без внимания земляков взлетел мах точеного подбородка.

– Хочется увидеть драку? – По жилам разлилось внезапное раздражение. – Хорошо. Если дама просит...

Я с силой потянул партнершу на себя.

Касание не состоялось, Мадина воспротивилась.

– Дама не хочет драки, – объявила она, поведя по моему корпусу вызывающе напряженными тугими конусами. Мадина умудрилась сделать это так, чтобы не заметили со стороны. Я оторопело замер, отчего инициатива в движениях вновь перешла к партнерше. – Дама хочет танцевать. И все.

Оставшись со мной, как говорится, на «пионерском» расстоянии, Мадина отдалась укачивавшим волнам. Настороженность в направленных в нашу сторону взглядах погасла одновременно, словно кто-то обесточил ее разом.

Толпа сдвоенных маятников между столом и стеной росла, вскоре нас просто затерли. На секунду оказавшийся рядом Гарун подмигнул мне, едва видный под куполом Настиной шевелюры. Перекрещенные кисти партнерши свисали у него позади шеи, живот терся о живот, коротенькое платье Насти позволяло наслаждаться видом впитывавшихся в кавалера аппетитных ножек, а чуть выше – утонувших в теплом меду мужских рук. Вскоре Гарун, обнимавший сдобное солнышко, исчез, сестрице на прощание погрозил его строгий прищур. Мадина скривилась, взгляд отследил местоположение рук брата, после чего моя партнерша покосилась на другие пары. Занятые тем же, соседи сгрудились вокруг нас в непробиваемую стену, отовсюду

толкая и будто специально стискивая в нечто более близкое, чем мне хотелось. А Мадина была недовольна, что мы единственные на этой вечеринке соблюдаем дистанцию и приличия.

Не была бы она сестрой Гаруна...

– Ты мог бы украсть невесту? – раздалось у меня в ухе.

Занятый больше защитой от теснивших спин сзади, недопущением случайных касаний спереди и борьбой с собственными мыслями, в первые секунды я не понял вопроса.

– Зачем? Дикость.

– Для тебя дико украсть невесту, – прокомментировала Мадина, сладко плывшая в заданном мной ритме, – а для наших парней еще большая дикость – жениться не на девственнице. Чья дикость больше?

– Не знаю. Никогда не сравнивал дикости. Сравнить их – тоже дикость.

– А ты взял бы в жены девушку, у которой кто-то был до тебя?

– Почему нет?

– Тебе не будет противно?

– Не знаю. Возможно, иногда появлялись бы мысли на эту тему, но если к свадьбе я пришел не мальчиком – как требовать от супруги противоположного?

Глаза собеседницы округлились:

– И все ваши парни думают так?

Под «вашими» она подразумевала русских, которых я здесь как бы представлял.

– У каждого свой взгляд, свое мнение, своя история. – Я не собирался отвечать за всех. – Есть люди верующие, у них свой подход. Есть однолюбы. Есть убежденные противники добрых отношений, а есть такие, кто смотрит на это с другой позиции.

– Смотрит с разных позиций, – дерзко хихикнула Мадина. – Это я про тех, которых ты назвал в конце. С очень интересных позиций.

– Не надо пошлить, красивым девушкам это не идет.

– Ух ты, комплимента дождалась, спасибо. А насчет позиций... Мне о них даже поговорить не с кем. – Черные волосы колыхнулись в сторону лапавших податливых девиц соплеменников Мадина. – Наши не то что не расскажут, еще и побьют за вопрос, при этом все разрешают себе и ничего – нам, своим женщинам. Разве это честно и справедливо?

«Я украл – хорошо, у меня украли – плохо». Справедливость – штука относительная. Понятия о чести у каждого тоже свои.

– Не мне судить. – Я постарался уйти от извечного спора цивилизаций. – Каждый решает сам, как жить и что себе разрешать.

– А за меня решают другие. – Мадина топнула ногой, но сразу вернулась в едва не сбившийся ритм. – В конце концов, Кваздик, я же не напрашиваюсь на неприятности для себя или для тебя, а всего-то прошу сказать несколько слов по-приятельски. Мы же не чужие друг другу люди. Вспомни, в детстве я у тебя на глазах на горшке сидела!

Не знаю почему, но этот абсолютно нелогичный довод произвел впечатление. Действительно, были времена, когда мы не стеснялись друг друга. Не поручусь, что в самом деле доходило до горшков, но общая возня во время игр и полное игнорирование при срочном переодевании имели место. Дети есть дети, особенно когда заигрались и долгое время предоставлены сами себе.

Каким-то образом подруга детства заметила свой успех и ринулась развивать:

– Вот ты признался мне, что уже не мальчик. Как это было?

Случайный толчок сзади едва не опрокинул, он заставил прижаться друг к другу и вернул меня, загипнотизированного, в реальность. Мадина – сестра друга, он не одобрит таких разговоров. Не моих откровений, в тщетном ожидании которых отвердело в руках горячее тело, а касания подобных тем. Как не одобрил бы я, если бы кто-то из его земляков начал что-то похожее с моей сестрой Машенькой, пока еще учившейся в школе в городке неподалеку. Не

просто не одобрил бы, а счел за оскорбление. Другое дело, когда она вырастет и поймет, что к чему в этой жизни, когда научится отвечать за свои поступки...

В глаза лезли чужие руки, хозяйничавшие на мягких местах других повзрослевших Машенок, которые уже сделали выбор. Мне это не нравилось. Но это был их выбор. Осознанный.

Я перевел взгляд на ожидавшую конца размышлений роскошную авантюристку.

Излом черных бровей. Перевозбужденные губы. Четко очерченные узкие скулы. Изысканные руки. Хрупкая спинка. Странно длинные для горянки очень стройные ноги. Жмущиеся ко мне вкусные выпуклости. Можно долго перечислять, и все будет в пользу Мадины. Ей нравились внимание и поклонение, она мечтала о любви и стремилась к дозволенным (в нашей студенческой среде) отношениям, в которых смогла бы проявить себя с лучшей стороны. Природа одарила ее многим, снаружи и внутри, это видели глаза, и это виделось в глазах напротив.

Окружение считало иначе, и я, ставший для ее семьи почти своим, не мог пойти против традиций.

– Моя история не предназначена для таких симпатичных ушек, – произнес я с доброжелательнейшей из улыбок.

– Забудь, что я женщина. Расскажи, как другу.

Мадина даже отодвинулась после сблизившего нас толчка. Я хмыкнул:

– Ага, а ты потом растреплешь...

Карие очи почернели:

– Ты слышал когда-нибудь, чтобы я трепала языком?

Пришлось извиниться. Чужих тайн, насколько я мог знать, Мадина не выбалтывала. Весьма привлекательная черта для девушки подобного склада.

– Прости.

– Прощу, когда расскажешь.

– Придется ждать долго.

Казалось, тема закрыта. Я ошибся.

– Спасибо за обещание.

Меня поймали на слове.

Сбившееся с ритма бедро вновь легонько прижалось. Вздрыгнув, я подался назад, толкнув сразу две слившиеся пары.

– Осторожно, да, – недовольно послышалось оттуда.

Руки Мадины проявили немалую силу, возвращая меня на место.

– Это чтобы ты не забыл про обещание, – шепнула она в ухо.

Объятия разорвались, и Мадина пихнула меня к сгучавшей вдали сестренке:

– Пригласи Хадю, а то погляди, какими глазами на нас с тобой смотрит. Как щенок потевший. Хочет танцевать, а боится. Сама никогда не решится. Сделай ей приятно.

Завершил речь вульгарный шлепок по заднице, направивший меня к забившийся в угол скромнице.

Оказавшись перед Хадей, я протянул руку:

– Пойдем?

– Прости, – донеслось в ответ едва слышное в оглушающем гаме. – Я не танцую.

– Я научу.

Старшая сестра была высокой и статной, а младшую природа одарила только всем самым нежным: наивным личиком, черной косой до пояса, покатыми мягкими плечами, маленькой спинкой, пухлыми бедрами и весьма симпатичными выпуклостями везде, где они полагаются женственным созданиям. Хадя жалась в спасительную воронку кресла, как затаившийся енот, когда, чувствуя опасность, пытается справиться с проблемой погружением в анабиоз отстра-

ненности. Взгляд Хади менялся ежесекундно, в зависимости от преобладавших мыслей. На этот раз ее глаза грустно смягчились, уголки губ раздвинулись в конфузливой улыбке отказа:

– Не в этом дело. Я не танцую такие танцы.

Оговорка оставила брешь.

– А какие танцуешь?

– Увидишь, когда время придет.

– А оно должно прийти? – удивленно осведомился я.

– Думаю, да. Прости, я пойду, надо посмотреть чем помочь на кухне.

Она вспорхнула светлым мотыльком и исчезла с моего горизонта.

Наверное, это к лучшему, такие танцы на грани разумного меня напрягали. Оглядевшись, я увидел, что из круга вышла оставленная партнером Настя, ее сместила с пьедестала неугодная Мадина, решившая потанцевать с братом. Тот обреченно вздохнул, принял на плечи руки сестры и погрузился в полившийся щебет.

– Можно? – Я перехватил не успевшую присесть блондинку, некоронованную королеву сегодняшнего бала.

Ее взор скользнул по сторонам в надежде на нечто более желанное и привлекательное, но тщетно. Последовал равнодушный кивок:

– Давай.

В туфлях на шпильках Настя казалась выше обычного, это подчеркивало идеальную форму ног и начинавшейся высоко над коленями облеченной в короткое платье фигуры. Бархат плоти обтек меня, словно сонный спрут, ловивший добычу не потому, что голоден, а по привычке, чтобы не терять хватки.

– Задам один вопрос, ты только не удивляйся. – Щекочущие губы утонули где-то в районе моей шеи.

Я пожал плечами. Роль жилетки, в которую плачутся, или подружки, с которой можно посоветоваться на разные темы, была единственной, светившей мне с такими, как бесподобная Настя.

– Что обо мне говорят? – спросила она.

Моим ладоням разрешили не стесняться, и сердце бешено заколотилось, когда мне с невиданной щедростью отдался ничего не стоивший партнерше подарок. Усилием воли я направил мысли в нужное направление.

Вообще-то, коварный интерес. Это как частенько обыгрываемый юмористами вопрос жены к мужу «Я толстая?», он приводит к ссоре при любом ответе.

– Ну, что говорят... Что умная, красивая, самодостаточная... Хорошо учишься...

Пышный обруч рук стиснул меня, вплавился в кожу, по телу растеся жар. Настя выглядела массивным перстнем на пальце, где я был тем самым несуразным пальцем, стержнем композиции, а расположившееся на мне чудо – ослепительным бриллиантом, по чьему-то недосмотру доставшемся мне на минутку.

Еще крепче прижав к себе, Настя чуточку поелозила по мне, вогнав сразу в краску, в дрожь и в ледяной озноб от случившегося в организме конфуза, затем золотая грива поднялась, и мне насмешливо вдунули в самое ухо:

– Я не про то.

– Ну... – снова протянул я, стараясь думать именно головой. – Еще, что у тебя есть парень, но ты позволяешь себе и ему намного больше, чем должно быть между парнем и девушкой, когда их что-то связывает.

– Это мнение общее или конкретно твое?

Я покраснел. Настя угадала стремление выдать желаемое за действительное.

– Мнение многих, – объявил я с упорством идущего на казнь.

– Что еще напрягает во мне окружающих?

- Насколько я в курсе – ничего.
- Что ж, – Настя еще больше размякла на мне, – приятно слышать.
- Тогда я тоже спрошу, можно?
- Валяй.
- Почему ты здесь?
- Как это? Празднуем.

– Понимаю, но почему ты именно здесь, в этой компании, куда пришли далеко не все? У тебя есть парень, с собой ты его не привела, при этом заигрываешь с Гаруном и флиртуешь с остальными. Ты видишь их взгляды и – без обид – понимаешь, что при первой возможности они поступят с тобой и прочими девчонками согласно своему мировоззрению – так, как с их точки зрения вы того заслуживаете.

– В переводе на нормальный язык – как с доступными телами для удовольствия? – с неприятной введливостью уточнила Настя. – Тогда скажи: предоставься тебе возможность, ты поступишь с нами так же? Не уходи от ответа, ты понимаешь, о чем я. Ты бы отказался, сообщи тебе кто-то из девчонок или, допустим, я, что по невероятному стечению обстоятельств сейчас можно все? Абсолютно все?

Я промолчал. Настя вздохнула у меня на плече, в моих ладонях подвигались вверх-вниз сдобные дюны, предоставленные мне во временное пользование счастливо сложившимися обстоятельствами и, само собой, желанием их обладательницы. Или ее снисходительным безразличием к моей тусклой и бесполезной персоне.

– Не обижайся, но ты ханжа, – продолжила Настя скучным голосом диктора, которого обязали вести неинтересную передачу. – У тебя есть желания, с которыми ты борешься, но при этом ты имеешь что-то против других, которые тоже борются со своими желаниями, хотя при их менталитете сдерживаться труднее. Но между вами есть разница. Ты ждешь, что желанные обстоятельства свалятся на тебя манной небесной, а парни, о которых мы говорим, нужные обстоятельства создают сами. При этом ими ничего не берется в расчет. Потому им иногда улыбается удача.

«Удача». Фу.

– Всего лишь приятное вознаграждение за проявленное упорство? – Я скривил губы.

– С твоей точки зрения – всего лишь, а со всех других – заслуженная награда за рыцарство, которого, например, от тебя в жизни не дождешься.

На несколько томительных мгновений мы умолкли. Одну песню без паузы сменила следующая.

– Эй, друг, моя очередь. – Кто-то из ребят южного разлива оттеснил меня в сторону, оторвав текучие прелести и беспардонно перевесив их на себя.

– Здесь не очередь за пряниками. – Разговор с Настей вызвал множество мыслей и разбудил не самые лучшие эмоции. Я почувствовал, как сами собой сжались кулаки.

– Имеешь что-то против? Выйдем, поговорим?

Прямой мутноватый взгляд сообщил, что собеседник хорошенько принял на грудь. Ему хотелось приключений, все равно каких.

– Султан! – последовал окрик Гаруна.

Он продирался к нам сквозь расступавшиеся парочки. Сзади мелькнуло побелевшее лицо Мадины.

– Ничего, – вдруг сказала Настя, обнимая самоначившегося кавалера, – все нормально, это поставит в нашей беседе нужную точку, правда?

Она повисла на другом, который проявил больше упорства и нахальства в достижении цели, а глаза все еще глядели на меня.

– Да. – Я отвернулся.

Делать нечего, дама сделала выбор, и возможный конфликт самцов умер на корню. Я вернулся к старой истине: с чем невозможно бороться, то нужно принять, и на душе, если постараться, станет спокойно. С чем или с кем я мог бороться здесь? Только с недотепистым собой, ханжой, как сказала Настя, который ничего не предпринимает, а лишь трусливо мечтает, чтобы мир танцевал под его дудку. Так не бывает. В результате мир выбирал чужие дудки.

В голове зазвучала песня, которую часто слушал папа: «Ты должен быть сильным, иначе зачем тебе быть?»

Соперник с ухмылкой уносил в чувственный транс бывшее недавно моим достояние государства, его золотой запас, отданный теперь в чужие руки. Сам золотой запас нисколько не возражал. Как сказал бы в таком случае мой победивший противник – абыдна, да-а.

Да. Обидно. До чертиков. Но... чтобы изменить мир, начинать нужно с себя, и в следующий раз переходящее знамя красоты и соблазна попадет к кому надо. Впрочем... а надо ли такое оно конкретному кому надо?

Оставив вопрос нерешенным, я шагнул к дивану. Меня догнал Гарун:

– Все хорошо?

– Чудесно.

Когда с кем-то дружишь, внимания на национальность не обращаешь. Даже вопросом таким не задаешься, удивляясь, когда посторонний начинает выискивать проблему. Нет здесь проблемы. Будь человеком, живи по совести, и наплевать, что написано в анкете или какого цвета кожа. Мы с Гаруном доказывали это примером. К сожалению, кроме совести у людей имелись родственники, а в их присутствии однозначные понятия становились расплывчатыми.

– Не принимай близко к сердцу, – сказал Гарун. – Султану нравится Настя, а ты ему карты путаешь.

– Я?! Чем?

– Хотя бы тем, что тебя она не боится.

Я поглядел на танцующую парочку. Настя со смешками отбивалась от бесстыдно гулявших по ней волосатых шупалец, в глазах вместе с весельем мелькал легкий страх. Будто она укрощала необъезженного жеребца.

– А он пробовал меньше распускать руки? – буркнул я.

– Некоторым девчонкам это нравится.

– Мне казалось, что Настя интересуется тебя.

– Интересовала, но сейчас на стороне роскошный вариант наклеивается, и сокурсницы лишь отвлекают. – Гарун огляделся. – Хочешь, еще с кем-нибудь познакомлю?

Неужели я выгляжу столь жалким, что всем хочется меня облагодетельствовать?

– Спасибо, я сам.

В кармане друга затрезвонило. При взгляде на телефон его лицо посерьезнело, он обернулся к землякам, вылетело несколько непонятных слов. Бросив партнерш и прочие занятия, все кавказцы ринулись в прихожую. Возникшая рядом Мадина не слышала начала фразы и переспросила брата по-русски:

– Что случилось?

– У Шамиля проблемы с...

Покосившись на меня, он не закончил фразу.

Шамилем звали неумемного родственника, он тоже был студентом, но почему-то не удостоился почтить присутствием сегодняшнее мероприятие. Впрочем, я был только рад. Из-за таких Шамилей нормальные ребята вроде Гаруна скопом зарабатывали репутацию подонков. В семье любого народа есть пена на волнах огромного моря, которую видно в первую очередь. За границей о россиянах судят по выходкам богатеньких мажоров и по пляжно-алкогольному быдлу, а у нас о кавказцах – по таким, как Шамиль. Он попал в очередной переплет, и требовалась помощь других, нормальных, чтобы вытащить из передраги, в которой, наверняка,

он оказался по собственной воле. Тоже традиция – своих надо спасать потому, что они свои, какими бы ни были. «Наших бьют» – не кавказское изобретение, но на Кавказе возведено в абсолют.

Все присутствовавшие на вечеринке парни деловито одевались-обувались, а на меня старательно не обращали внимания.

– Могу чем-то помочь? – бросил я понесшемся к выходу Гаруну.

– Не в этом случае. Ты же понимаешь.

Да, я понимал.

Глава 4

Дружба началась давно. В далеком южном городке наши семьи жили на одной лестничной площадке. Моих бабушку с дедушкой туда забросила судьба в лице ЦК КПСС, в перемешивании многонациональной страны создававшей единый советский народ. В расчеты вкрадлась ошибка, и началась такая «дружба народов», что всем поплохело. Когда последствия «дружбы» угрожали моей семье, соседи-дагестанцы предлагали провести ночь у них. В ответ на появившийся в первый раз вопрос «Почему?» они отводили глаза – на эти ночи планировались погромы по национальному признаку. Предупредить и защитить русских старались многие из местных. Впрочем, серьезных инцидентов в нашем городе не случилось, глобальные неприятности ушли в прошлое, а настоящая дружба осталась.

Сначала мы играли дома, а после прибавления в обеих семьях игры переместились во двор. Гарун нередко спасал меня от уличной шпаны, которая смотрела на форму носа, а не на внутренние качества. Бывало, и я вступался за приятеля, когда происходило наоборот, и чужих не устраивала именно высоко задранная планка его принципов, мешавших поступать с другими по-старобасенному «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Тогда нам доставалось обоим, а дружба с каждой передражкой крепла все больше.

После рождения сестренки мои родители стали искать работу в центральной или северо-западной России. Мы переехали в тихий городишко, откуда я вскоре отправился на учебу в областной центр. Переписка с другом продолжалась. Через некоторое время Гарун поступил в один институт со мной, мы вновь оказались вместе, и помогать другу выпутываться из ситуаций, когда местным не нравилась его форма носа, довелось уже мне. Ситуация перевернулась.

Мы были как братья. Без «как». Братья. Когда вдвоем. Если же Гарун оказывался в окружении земляков... Внешне ничего не менялось, но я отчетливо видел, как дань зову крови не дает ему быть собой. Сейчас он умчался защищать своих, пусть даже неправых. Я остался. Это не моя война. А если моя, то сегодня я вряд ли выступил бы с другом плечом к плечу.

Музыкальный центр по-прежнему завлекал красивой мелодией, но настроение сломалось. Танцы, как развлечение, отпали – единственным представителем сильной половины человечества остался я, а своим кавалером ни одна из девиц меня не видела. За исключением Мадины. А ее своей дамой не видел я.

Предпочтя пассивное наблюдение ненужной активности, я опустил на одно из освободившихся мест. К этому времени большинство девиц было навеселе, некоторые настолько, что не заметили массового исхода кавалеров. Они с трудом водили глазами в поисках места, где бы свить временное гнездышко умученным танцами и алкоголем телам. «Продолжение банкета» требовалось считанным единицам, а главной пантерой в стае ненасытных хищниц оставалась Мадина.

– Предлагаю сыграть в твистер.

На месте недавних танцев немедленно расстелили простыню с рядами разноцветных кружков.

– Кваздапил, чего в стороне сидишь? Иди сюда, самое веселье начинается.

– Не любитель я таких развлечений.

– А кто тебя спрашивает, любитель ты или не любитель? – Мадина встала надо мной в грозной позе «руки в боки». – Ты кавалер и обязан развлекать девушек. А-а, ты предпочитаешь смотреть? Такое право нужно заслужить!

– Минералка закончилась, – донеслось из-за стола. – Вообще.

Меня подбросило:

– Сейчас схожу.

При этом я так посмотрел на заводилу, что она хмыкнула:

– Не задерживайся. И не исчезай, а то пожалуюсь брату, что ты бросил нас на произвол судьбы. А вдруг что-то случится?

К концу речи я уже выходил на лестничную площадку.

Уличные ларьки недавно снесли, пришлось бежать в ближайший круглосуточный павильон. Пересчитав наличность, почти на все деньги я набрал лимонадов и минералки. В отличие от чисто мужских собраний, где на столах первой исчезает именно алкоголесодержащая составляющая, к совместным посиделкам мужчины подходили основательнее. Спиртное закупалось с запасом, а про воду во всех ее видах, как правило, забывалось, что в очередной раз подтвердил сегодняшний вечер.

Вернувшись, я изобразил курьера:

– Минералку заказывали?

Мне улыбнулись – те, кто сумел меня заметить. Остальные были заняты. Похожие на горстку муравьев, потревоженных наступившим на их жилище туристом, они превратились в единую кучу-малу – налезали и подныривали, изгибались и вывертывались, просачивались и тонули в цветной гряде тел и переплетенных конечностей. Мадину задавили и потеряли где-то внизу, прижав и перекрутив, словно она резиновая. Виды, честно говоря, для мужского взгляда открывались аховые.

Голос ведущей объявил следующий ход, Мадина взмолилась:

– Не-е-ет! Я не могу порваться по такому глупому поводу, прошу пощады!

И тут...

– Кваздапил, помогай!

Я отыскал глазами источник звука. Это была Настя, она не участвовала в игре, ее страдальческий взгляд указывал на одну из подруг, перебравших спиртного.

– Надо отвезти Теплицу домой.

Люська Теплицына с логичным прозвищем Теплица была, как говорится, в отрубке. Прежде чем отключиться, она изгадила себя сверху донизу, оторгнутое организмом попало на платье и под него. Безобразное зрелище. Настя оттирала налившееся тряпками, которые ей подносила носившаяся по комнатам Хадя.

– Говорила же ей не мешать, – умудренно качала головой одна из собутыльниц.

– Нужно уметь вовремя остановиться, – значимо кивала вторая, отхлебывая из очередного стакана.

Общими усилиями ничего не чувствовавший полутруп привели в сносное состояние, поставили вертикально и обернули курткой. Затем все отошли, а получившийся «сверток» оказался у меня в руках. Настя недоверчиво покосилась:

– Донесешь?

– Не переживай, – буркнул я.

Теперь посмотрим, кто здесь рыцарь.

Из яркой бабочки Люська превратилась в серую куколку. Точнее, в неустойчивую тряпичную куклу. Мне помогли взвалить ее на спину, болтавшаяся голова врезала по моему затылку и даже не охнула. А я охнул. Из глаз посыпались искры. Пришлось двигаться осторожней – от следующего удара легко потерять равновесие, а падение чревато физическими и моральными проблемами как для меня, так и для ноши, которой сейчас это, конечно, безразлично, но позже, зуб даю, мне все припомнят. Да и перед девчонками стыдно, если с таким простым делом не справлюсь. Кому интересен молодой человек, который девушку на руках носить не умеет?

Мы вышли на улицу – я, мой груз и Настя, помогавшая доставить непутевую подружку до места. На то, что я сделаю это в одиночку, она, несшая две сумочки – свою и жертвы алкоголя – не надеялась.

– Ты куда? – уставился недоуменный взгляд на то, как я направился к остановке. – Такси возьмем.

– Пока вызовем, пока приедут...

– Звонить не будем. Поймаем.

В позе классической соблазнительницы – выпятив фронт, оттопырив тыл и чуть выставив одну ножку – Настя вышла ловить попутку. Я покраснел. Не от нескромного вида, хотя, будь я водителем, непременно обратил бы внимание. Правда, не факт, что взял бы на борт. Сочетание таких факторов, как поздний час, темнота, голоногая красotka в коротком платье, которую сопровождает приятель, на чьих плечах в полном неадекватности покоится еще одна возможная пассажирка – все это решало вопрос о подвозе очаровательной незнакомки не в ее пользу.

Краснеть мне пришлось по другому поводу.

– У меня... – я едва совладал с голосом, – с собой денег нет.

Настя хмыкнула:

– А еще в кавалеры набивался, выяснял, чем настоящие мужчины берут.

– Деньгами? – ядовито куснул я.

Настя передернула плечами:

– Умением решать проблемы.

– Для этого и нужны деньги.

– Для этого нужны голова и желание. Отсутствие денег – тоже проблема, которую нужно уметь решать.

С провокационным мнением хотелось поспорить, но дальше прозвучало:

– Успокойся, у меня есть, чем расплатиться.

– Не сомневаюсь, – презрительно выдавил я под нос.

Дискуссии вести расхотелось.

Из темноты улицы выдвинулась фигура, и мы умолкли, пока темный силуэт не приблизился.

– Проблемы? – раздался гортанный голос.

– Султан? – Настя всплеснула руками. – Напугал.

– А Гарун где? – поинтересовался я.

Меня Султан проигнорировал, он ответил Насте, но именно на мой вопрос:

– Наши скоро подъедут. Проводить?

Его покачивало. То ли хорошо поддал, то ли обкурился. По причине невменяемости его, наверное, не взяли с собой, а вместо выезда на «стрелку» отправили прогуляться. В критической ситуации от таких вреда больше, чем пользы.

Настя переводила взгляд с него на меня, выбирая меньшее зло, и, наконец, выдавила:

– Спасибо, не надо.

– Не обсуждается.

Настя настояла:

– Мы с Кваздапилем справимся.

Даже Султан понял, что ее ответ – от боязни остаться с ним наедине. Мутный взор остановился на безвольном мешке на моем горбу. Мысль забрать ношу, чтобы остаться единственным кавалером, не прошла – его не удержали бы ноги. Идея сменилась на более трезвую. Султан шагнул к краю тротуара.

– В гости не напрашиваюсь, но бросить в беде не могу. – Он поднял руку в голосующем жесте. – На улице ночь, всякое бывает. Довезу до подъезда, чтобы ничего не случилось.

Ага, до подъезда. Вспомнилась недавняя отповедь Насти: «Они сами создают обстоятельства, при этом ничего не берется в расчет. Потому им иногда улыбается удача. Заслуженная награда за рыцарство». А может, ну ее, эту Настю, к рыцарям? Пусть едут тепленькой компанией, скатертью дорога.

К нам свернул темный седанчик. Ни покачивавшийся Султан, ни моя заплечная ноша хозяина не смутили, стремление заработать пересилило инстинкт сохранения жизни и транспорта. В приоткрывшемся окошке пассажирской двери показалась голова изогнувшегося к клиентам шофера:

– Куда едем?

– До площади, там покажу. – Настя распахнула для меня заднюю дверь машины.

Султан взялся за ручку передней дверцы, но был отодвинут скользящей туда Настей:

– Султанчик, в следующий раз, хорошо?

Тот шагнул на асфальт перед машиной:

– Подождите.

Я даже взмок, подумав, что настойчивый кавалер устроит дикую заварушку или, как минимум, втиснется к попахивавшей Люське.

Обойдя машину, Султан постучал в окно водителя, в приоткрывшуюся щель упала купюра:

– С ветерком и без проблем, ясно?

Когда одинокая фигура скрылась вдаль, Настя выдохнула.

– Пронесло. Теперь налево.

Последнее предназначалось водителю. Тот спокойно рулил, обстоятельства и запах его не смущали – видимо, плата покрыла неудобства. У одной из высоток в спальном районе мы вышли, скользкое тело вновь заняло место на моей спине. В лифт скривившаяся Настя заставила себя войти вместе с нами.

Звонок в нужную квартиру ничего не дал.

– Постучи, – сказала Настя.

Я постучал.

– Сильнее стучи.

Железная дверь едва не треснула под моим кулаком. Опять ничего, кроме пожилой соседки, чья недовольная физиономия выглянула из противоположной двери. Настя осведомилась:

– Не скажете, Люсины родители дома?

– Павел Евграфович с Ольгой Георгиевной на юг уехали. – Соседка презрительно задрала подбородок. – Этой шалаве квартиру оставили. Надеялись, что у нее совесть проснется. Просыпаться там нечему!

Соседская дверь с грохотом захлопнулась.

Настя порылась в сумочке подруги. Два ключа со связки подошли, замки поочередно клацнули, перед нами разявилась черная пасть прихожей.

– Вноси, – приказала Настя. – Клади здесь, в коридоре.

Загорелся свет. Мы разулись и разули подопечную.

Квартира Теплицыных выглядела богато: мебель – новая, стены украшены тарелками с росписью, африканскими масками, индейскими талисманами из перьев и другими, большей частью заграничными, сувенирами. Прихожая продолжалась как небольшой коридор, он упирался в ванную и туалет, а по сторонам находилось две пары дверей. На кухню и в зашторенную гостиную приглашали открытые створки, а другие две комнаты (видимо, спальни) были прикрыты.

Еще вчера я мог лишь фантазировать на такую тему: одни в квартире с чарующей соблазнительницей, которая смущала взоры всех мужчин от мала до велика. И вот все на самом деле. Но то, как оно происходило, с мечтами категорически не совпадало.

Я помог избавиться Люську от куртки. Настя отбросила куртку в сторону и взялась за низ Люскиного платья:

– Ну?

Приподнятое за подмышки тело безучастно принимало все, что с ним делали.

Стянутое через голову платье вместе с курткой отправились в пакет, затем Настя включила воду в ванной и деловито оглядела оставшуюся в нижнем белье подругу. На Люське с ног до головы отчетливо проступали пятна невероятных вида и аромата.

– Поднимай.

– Что ты собираешься?..

– А что предлагаешь?

– Пусть проспится. Увидит себя утром – сделает выводы. Если найдется чем.

– А если бы тебя бросили таким грязным и вонючим?

Я брезгливо поморщился.

– Думаешь, застрахован, и с тобой ничего подобного не случится? – в голосе Насти лязнул металл.

Да, я думал именно так. Напиваться до скотского состояния – не мое, поэтому – как, если никогда?

Наверное, Настя прочитала ответ по лицу.

– Не зарекайся, – буркнула она тихо. – Помогай.

Аккуратно подхватив Люську под спину и колени, я перенес сползавшее из рук скользкое тело в ванную комнату. Опущенная в набирающуюся воду прямо в белье, Люська не реагировала на новые обстоятельства. Сколько же она выпила и чего? За столом большинство пило привезенное с Кавказа домашнее вино, от него так не развезет. Люська же или пришла подшофе, или налегала на что-то более крепкое.

Настя нагнулась к беспросветно отсутствовавшей подруге, чтобы расстегнуть запачканный лифчик. Ее собственное короткое платье открыло бедра почти целиком, прорисовав все скрытое и вновь вызвав к жизни большую игру воображения.

Настя резко обернулась:

– Чего встал?

Видения рассыпались, искромсанные неприятным тембром.

– Я еще нужен?

– А сам как думаешь?

Не знаю, что это означает на женском языке. На всякий случай я вышел за порог ванной комнаты, краем глаза следя, как в искушающем наклоне Настя лишала приятельницу предпоследнего прибежища скромности. Запятнанный лифчик отлетел и со звонким чваком шмякнулся на пол. Поддерживая под голову, чуткие руки омывали безразличную к происходившему Люську – бережно, ласково, как хрупкую драгоценность. Если Настя чувствовала мое визуальное присутствие, то никак на это не реагировала. Дело дошло до нижней части белья. Пара неудачных попыток закончились встречей Люськиного затылка, а затем лица с эмалированным чугуном.

– Ну где ты? – принесся недовольный оклик. – Подними.

– Э-э... Теплица не будет потом возмущаться, что я...

– Еще слово, и возмущаться буду я – здесь и сейчас!

– Возражения признаны убедительными, вопрос снят.

Я продел кисти под безвольно болтавшиеся руки. Настя снисходительно поглядывала на меня, опершись о ванну и немного помогая в меру возможности. На лице у нее было написано такое невероятное ехидство...

Не хватало еще, чтобы казалось, будто я специально Теплицыну лапаю. Нужна она мне, как лося вешалка. В жизни бы на такую не позарился, тем более в безответном состоянии. Я – за отношения, наполненные чувствами, а пьяная кукла в моих руках – просто кукла, ничего больше. Ничем не лучше резиновой. Живая – в теории. На практике – куль с костями, причем довольно тяжелый.

Отведя взор от вылезших в неприличном любопытстве чужих прелестей, вместе с хозяйкой не понимавших происходившего, я собрался с силами и резко выдернул Люську из водяного плена...

Волна брызг окатила не успевшую увернуться Настю. Она резко обернулась, в меня всверлились глаза разъяренной ведьмы, готовой не только немедленно превратить в крысу, но тут же сожрать вместе со шкуркой, хвостом и когтистыми лапками.

– Прости... – Я едва не развел руками, отчего Люська почти грохнулась обратно в ванну.

Как можно не очнуться, когда с тобой такое творят – не понимаю. Однако, Люська не очнулась.

– Думать надо, прежде чем делать! – злобно, но вменяемо сообщила Настя.

– Хороший совет. Все бы ему следовали, мы здесь не корячились бы.

Настя больше не боялась намочиться, моими усилиями это стало бессмысленно. Она стянула с вертикально повисшей жертвы остатки, текущие ручьем трусики отправились в ванную, меня настиг окрик:

– Чего столб изображаешь? Не то время и место. Подними ее над ванной и держи.

Легко сказать. Но я постарался.

Люська была омыта из душевого шланга. Вокруг летели брызги, на такие мелочи Настя внимания не обращала.

– Теперь не жалеешь, что не поменялся с Султаном? – На меня вскинулся смешливый взор.

– Не переводы стрелки.

Настя не поняла.

– Объясни.

– Выгодоприобретателем ситуации ты выставляешь меня, на самом же деле мое присутствие нужно тебе. Окажись на моем месте Султан, и помощь понадобилась бы другая.

– Слишком много о себе воображаешь.

– Можно поменяться, еще не поздно. Один звонок Гаруну с просьбой и адресом, и через пять минут твой приятель будет здесь.

– Он не мой приятель.

– Делаем вывод: в данный момент мое общество приятнее и надежнее.

В Настиных глазах мелькнуло что-то несогласное, в стиле, что небольшая опасность только бодрит, но дальше пикироваться со мной она не стала. Висевшим на двери полотенцем Настя вытерла тело подруги, то и дело выскальзывавшее у меня из рук, затем выжала белье и побросала его в пакет с тряпками, некогда носившими гордое имя одежды.

– Чего встал? – Ядреным боком Настя толкнула меня в сторону выхода – Тащи ее в спальню.

Я перехватил Люську под колени и спину и поднял, приняв на грудь.

Ощущения мне понравились. Большинство женщин мечтает, чтобы мужчины носили их на руках. Вопреки желанию и даже не подозревая об этом, Люська Теплицына очутилась в моих объятиях – в настолько бесстыжем виде, что, когда очнется, боюсь, мне несдобровать. И все же, именно я сейчас был тем могучим и единственным, кто позаботится и не даст в обиду, кто обогреет, успокоит и защитит от жизненных невзгод. Картина маслом: рыцарь со спасаемой красавицей на руках. Запечатлеть бы эту сцену на камеру...

Ни в коем случае. Что-то воображение расшалилось, словно мне жить надоело.

– Ты чего опять остановился? Новую пакость задумал? Я же сказала – в спальню!

– В какую? – Я качнул подбородком на две одинаковых двери.

С недовольно поджатыми губами Настя бросила пакет с Люськиными тряпками в стоявшую рядом со стиральной машинкой корзину для грязного белья, вышла и нажала на ручку ближайшей. Дверь отворилась.

– Сюда. Родительская заперта.

– Я же не знал.

– Мог попробовать.

Интересно, как она это себе представляла.

– Если бы руки были свободны, – сказал я.

– А ты не жалуйся, – с непонятной злостью прошипела Настя. – Ты радуйся. Согласись, не часто держал в руках такую красоту?

Я отвел взгляд.

С девушками мне, как правило, не везло, а с такими, как Настя и Люська-Теплица, особенно. Мы с ними обитали в параллельных мирах. Мой мир мне нравился, но у него был недостаток. В нем не было ярких девушек вроде Насти и Люськи.

Глава 5

«Не часто держал в руках такую красоту?» – спросила меня Настя. Не часто. Но красота – понятие относительное. Например, Настя красива, никто не поспорит, но бочку меда портило и снабжало неприятным душком потребительское отношение к парням. В то же время, в кругу однокурсников Настя не считалась доступной или чрезмерно ветреной. У нее получалось оставаться независимой и даже самодостаточной, хотя я не думаю, что это ее радовало. Разговор о парнях, которых судьба награждает за роль ведущего в отношениях, и явный интерес к Гаруну сказали мне больше, чем Насте хотелось. Красота, к сожалению, не равна счастью, это как, например, «синее» и «короткое» – оба понятия служат для описания, но описывают разное. Синее может быть коротким, но не все синее обязательно короткое. Чаще наоборот. Сейчас я, конечно же, имею в виду не синее и короткое.

А упомянутая для подначки «такая красота», которую я вряд ли часто держал в руках, то есть Люська Теплицына, относилась к тому же разряду синего, всеми силами старавшегося укоротиться. Люська могла бы работать моделью, ее лицо и фигура вызывали, в зависимости от пола глядевших, восхищение и зависть, а умопомрачительную пятую точку наш сокурсник Игорь почитал за отдельную личность, за глаза обращаясь именно к ней и называя «мадам Сижу». Многие посмеивались, что у мадам Сижу мозгов больше, чем у оборотной стороны медали – у самой Люськи Теплицыной. Люська давно могла жить отдельно – на съемной (за собственный или спонсорский счет) квартире либо замужем, воспитывая к этому времени парутройку детей. Добавлю: в ее годы и, главное, с ее внешностью. Но замуж не звали или звали не те, а снимать жилье за свои деньги казалось ей глупостью. И содержанкой выглядеть не хотелось – где-то глубоко внутри у Теплицы еще теплились зачатки совести. Впрочем, я могу ошибаться, и, наверное, она просто боялась, что свалившаяся свобода превратит ее жизнь и жилье в проходной двор.

С мужским полом Люське не везло. На писаную красавицу со склонностью к «хочу всего и сразу» мужики шли косяком, но не воспринимали ее всерьез. В нужный момент срабатывал древний инстинкт, заставлявший гулять с красивыми, а в жены брать надежных, и претенденты тихо исчезали. Через некоторое время на аукционе щедрости выявлялся новый победитель, и сногшибательную (особенно на взгляд с кормы) яхту «Теплица» фрахтовал для приятного путешествия очередной олигарх местного разлива.

В ненакрашенном виде Люську мало кто видел. Я попал в число «счастливых» и отныне при встрече буду воспринимать ее по-другому. Лицо оказалось не картинкой из глянцевого журнала, а обычным лицом: прыщики, следы от шрамов на висках и на скулах, темный пушок под носом... Как бы развидеть увиденное? Захотелось вернуться в состояние блаженного неведения.

В то же время, Настя права – Теплицына, несмотря ни на что, оставалась очень красивой внешне, об этом кричала каждая ее отдельная часть: узкая талия, оттопыренный пышный зад, изящные руки, стройные ноги, высокая грудь... Даже больше скажу: груди, поскольку мой взгляд искоса прыгал то на одну, то на другую. Это и заставило Настю выдать вышеуказанную сентенцию.

– Красота – в гармонии, – объявил я, проходя в темную комнатку. – Сейчас это определение не работает.

– Не работает у него, понимаешь, – пробурчала Настя под нос. – Посмотрим еще, у кого что и как работает. Красота – она и в Африке красота.

Спорить не хотелось, горбатого могила исправит, а красивую женщину, всеми превозносимую и восторженно убеждаемую в постоянной желанности, не переубедить логикой. Пусть каждый останется при своем мнении.

Привычным жестом, говорившим, что она часто бывала у Люськи в гостях, Настя провела по стене рукой, включился неяркий боковой светильник. Опередив медленно шагавшего меня, она сдернула с широкой кровати покрывало, а потом и одеяло:

– Клади сюда. Я сейчас.

Люськина спальня выглядела современно, выполненная в простовато-дорогом стиле минимализма. Кроме кровати здесь были только компьютерный стол с приставленным стулом на колесиках и тумбочка у изголовья. Вещи прятались за сдвижными зеркалами шкафа-купе во всю стену, три других стены покрывали серые обои с эстампами в черно-белых рамках. Люстру заменяли точечные светильники, на полу лежал махровый ковер. Идти по обнимавшему ступни высокому ворсу было безумно приятно, создавалось ощущение, будто под ногами теплая трава.

Единственное яркое пятно в однотонно-серой гамме составляла простыня, открывшаяся при откидывании покрывала. Она оказалась очумело-розовой, даже глаз резало. Ну и вкус у Люськи. Собственно, под стать поведению, то и другое вырвиглазно и немного неприятно. Это, конечно, с моей точки зрения. Кому-то, наверняка, нравятся именно такие и именно такое.

Я разместил покрывшуюся пупырышками вялую звездочку на постели, одну за другой лоя бессмысленно валившиеся конечности и укладывая в приличную позу спящего человека. Даже подмышки взмокли от усердия. Когда, наконец, безобразно откровенная в своей наготе Люська со всеми удобствами упокоилась на розовом ложе, я укрыл ее одеялом, поправил голову на подушке и обернулся на звук: вернулась Настя. В ее руках победно взвились фломастеры:

– Ты же хотел, чтобы Теплица утром осознала свое моральное и физическое падение? Раскрасим ее под хохлому! – Золото кудрей качнулось в сторону не подозревавшего о людоедских планах бессловесного создания. – Или напишем на ней все, что думаем о сегодняшнем поведении. Или... – Настя засмеялась, представляя. – Просыпается она такая утром, подходит к зеркалу, а на животе жирная надпись с уходящим на задницу окончанием: «Здесь был Кваздапил!»! Нет, только на заднице, чтобы сама не увидела, а потом узнала от других. Вот будет потеха!

– Не надо.

– Боишься сказать непутевой подружке, что о ней думаешь?

– Не хочу причинять другим людям лишние неприятности. И не буду.

– Поэтому ничего в жизни не добьешься. – Настя сверкнула свинцово-серыми очами, златогривая голова чуть не с презрением отвернулась. – Боязнь неприятностей – первый признак мелочности. Трусливые душонки, которые прячутся от жизни под благородным прикрытием непричинения зла, творят зло своим невмешательством, причем зло гораздо большее.

– Трусливые душонки?.. – глухо повторил я.

Надо было отправить ее с Султаном. Я, конечно, не злопамятный, но, как добавляет расхожая фраза, зло помню хорошо, и память у меня хорошая.

Настя сама признала односторонность заявления, меня вновь обаяло лицо с милыми ямочками:

– Не парься, я говорю образно. Не хочешь участвовать в эротическом боди-арте – не буду настаивать. Потом сам пожалеешь. А вообще я благодарна тебе за помощь, хоть и несу всякую чушь. Спасибо.

– Пожалуйста.

Два разновысотных мокрых создания стояли друг против друга в обжигавшем интимностью полумраке и глядели прямо в глаза.

– Прости за то, что наговорила, не думая.

– Да ладно...

– Нет, правда.

– Любой бы...

– Не любой. – Серый взгляд прожигал насквозь, превращая мозги в шашлык, а сердце в отбивную, от которой невидимые зубы откусывали по кусочку. – Далек не каждый согласится помочь беспробудной засранке, которую ненавидит всеми фибрами души – я же вижу, не отнекивайся. Тебе претит вид пьяной девушки, даже такой симпатичной. Ты ни разу не взглянул на Теплицу с желанием. Я наблюдала. Ты молодец.

– Это не девушка, – я указал взглядом в сторону кровати, – это труп. А я не некрофил.

– Не некрофил – это хорошо, не люблю извращенцев. Тогда кто? Закомплексованный зануда, затурканный маменькин сынок, компьютерный задрот, робкий провинциал, который никогда не видел женщину ближе чем на картинке?

– Пожалуй, мне пора.

Настя перекрыла выход.

– Снова обиделся? Вспомни наш разговор о кавказцах. Если у тебя есть желания – говори о них, тогда и только тогда тебя услышат. А ты молчишь и делаешь вид, что тебе все равно. Если ты не гонишься за популярностью у противоположного пола, то попадаешь в один из вариантов, которые я перечислила. На правду не обижаются. Если ты не один из списка, то кто? Гей? – Перекрещенные руки в одно движение скинули с плеч бретельки мокрого платья. – Дай руку. Руку, я сказала!

Мою пятерню припечатали к белому счастью. Настя задумчиво помяла ее прижатой сверху ладонью.

– Нет, ты не гей. Впрочем, это я еще в танце почувствовала. Может быть, ты игрок?

С пылающими ушами я оторвал руку от улыбавшейся собеседницы, игравшей со мной, как коррупционер с жаждущим начать маленький бизнес просителем.

– Именно, – с жаром заявил я, – игрок. Но не такой, как другие, для которых отношения – спорт. Пьедесталы, результаты, командная игра и передача по эстафете – не мое. Ненавижу чужие игры, где меня считают пешкой, и вообще любые грязные игры. В другие играю с удовольствием.

– С удовольствием, говоришь?

Настя достала колоду карт. Я даже не заметил, откуда. Видимо, глаза не туда смотрели.

– В какие игры умеешь?

– В «подкидного».

Полненькие щечки сморщились, отчего даже ямочки на них стали просто дырками.

– Нудно и долго. Давай просто по одной карте, у кого выше – тот победил. В американку.

Я судорожно сглотнул.

– То есть, на желание?

– Боишься?

– Я?! – Девушкам не надо бы говорить такое парню в глаза. Даже зло взяло. – А ты?

Настя фыркнула:

– Не боюсь.

– Я тем более.

– Значит, играем. Налей. – Мах золотой гривой указал в сторону кухни.

Желание дамы – закон.

Кухня была обычной. От той, что у меня дома, она отличалась только размерами и количеством встроенной техники. Вправо от входа буквой «Г» вдоль стен стояли и висели шкафчики, а левую стену занимали холодильник и стол с мягким уголком. В холодильнике нашлась открытая бутылка вина, я принес ее и два бокала к ковру, на котором с удобством расположилась Настя. Пол – правильный выбор, когда игроки похожи на мокрых куриц. Я с удовольствием опустился на пушистый ворс.

С поднятым бокалом Настя повела плечами, это вызвало колыхание предоставленных гравитации красноносых колобков. Жуть. Чарующая, манящая, невыносимо зовущая к безумствам. Вот так они это делают с нами, красивые женщины, рраз – и на крючке. Подсекай. Кто бы ни был, если он самец – значит, пойман. Отныне он просто карась на леске, что тянет теперь в банку с другими такими же карасями, выпучившими глаза и задыхающимися без воздуха. Однако... Гм. Обычно рыбак – мужчина.

– Небольшое уточнение по условиям. – Я прикрыл глаза в попытке сосредоточиться. – Желания не должны касаться учебы и материально затратных тем, в остальном располагай мной и моими умениями как заблагорассудится.

Настя едва не уронила бокал:

– То есть, ты не будешь делать за меня дипломную работу?

– Почему так уверена, что выиграешь?

– Совершенно не уверена. Если проиграю, я бы за тебя сделала без проблем, потому настаиваю.

– Когда понадобится помощь, просто скажешь, и я в твоём полном распоряжении. Считай это обязательством. А на учебу и деньги не играем.

Бокал в руке Насти задумчиво покачался в воздухе, затем потянулся ко мне, намекая, что хочет чокнуться:

– Черт с тобой. Кваздапиллом был, кваздапиллом и помрешь. За победу!

По квартире разнесся хрустальный звон.

– Чудесный тост. – Я отпил глоток, оставленный бокал занял место на полу как можно дальше. Не люблю разбитого и опрокинутого.

Настя с презрением отследила мою предусмотрительность.

– С желанием, думаю, определился?

Будто под дых ударили. Я сощурился, за ехидством скрывая волнение:

– А ты?

– Не только с одним, а целую стратегию выстроила, как сделать игру интересной. Твоя.

Из неуклюже перетасованной колоды вверх рубашкой легла на ковер первая карта, затем еще одна упала рядом с раздатчицей. Настя предупреждающе подняла руку:

– Договоримся: кто бы сейчас не выиграл, он велит обоим снять мокрое, чтобы не превратить его в грязное и замызганное. Нам в этом еще по домам идти. И только попробуй сказать, что возражаешь.

Я мечтать не мог о подобном желании, а его ставят условием! Внутри все взбурлило и заклокотало, поэтому с несусветным трудом удалось сделать голос сухим и серьезным:

– Принимается.

– Вскрывается.

– Валет.

Настя перевернула свою карту:

– Восьмерка.

– Не возражаешь, если к оговоренному условию примажется маленькое дополнение: снимаем не сами, а один у другого?

Настя пожала плечами:

– Ты выиграл, решать тебе. И то, что фантазия, наконец, включилась, меня радует. Не все потеряно.

Она поднялась во весь рост и, облегчая мне работу, раскинула руки.

Кто бы сказал мне раньше, что снимать мокрое настолько приятно? Это самостоятельное удовольствие, отдельное от остальных. Как пить и есть. То и другое нужно желудку, но насколько разные ощущения! Одна за другой вещи отправлялись в угол, на линолеум, чтобы не пачкать ковер. После финального элемента, с которым я на миг замешкался, придерживаемая

за руку Настя подобно Афродите вышла из пены будней в абсолютную свободу. По крайней мере, я воспринял так. Поэтически. Настроение резко поднялось, хотелось петь, танцевать, и даже пьяная соседка не смущала. Пусть себе спит. Покрепче. И подольше.

Оставшись в божественном ничего, Настя проделала со мной то же самое. Прямой намек организма на желание, которое я буду загадывать, вызвал загадочную улыбку. Джоконда, понимаешь. Если у сегодняшней ночи имеется не единственный вариант завершения, то не знаю что думать. Пока же думалось только о нашем виде (в основном о сказочном Настином), о наших желаниях (в основном о природно-нескрываемом моем) и о возможных каверзах напарницы, которая уже демонстрировала богатство воображения. Желание, аналогичное тому, что сводит судорогами мои мозги и прочие части тела, с ее стороны не прозвучит, это понятно. Потому любопытно, чем мне придется расплатиться.

Настя медленно тасовала колоду.

– Раздаем по очереди или доверишь мне? – спросила она. – Я, например, мужчинам не доверяю, каждый второй – шулер, а каждый первый норовит смухлевать.

– Нет проблем. Раздавай.

На ковер вывалились две карты.

– Десятка, – сказал я.

Настя перевернула свою.

– Дама.

Она задумалась.

Пауза длилось нестерпимо долго, я почувствовал себя в аду на сковородке.

– Ты же сказала, что все решила.

– Решила, но как заставить тебя сделать то, чего не хочешь? Ладно, забудем про фломастеры. – Настя сходила за сумочкой, рядом со мной на ковер упал вынутый тюбик помады. – Желая, чтобы ты написал вдоль всей Люськи свое имя большими буквами, а затем слизал. Ни учебы, ни денег желание не касается – значит, отмазаться не сможешь. Прошу, мой рыцарь печального образа. К барьеру.

Настин взгляд крушил попытки сопротивления, как кувалда спичечный коробок, а указующий перст отправлял на подвиги. Подобрал тюбик, я отправился к мирно отсутствовавшей в этом мире сокурнице.

Из-под одеяла торчала вывалившаяся нога. Я аккуратно убрал одеяло в сторону. На розовом поле раскинулись горы, долины и овраги, не подозревавшие, как ими распорядилась лихая подружка.

– Писать имя или прозвище?

– Да кто помнит твое имя? Конечно, прозвище!

Первым делом я аккуратно вернул на место откинутую ногу. Теперь она, длинная, гладкая и прохладная, вновь лежала впритык ко второй, и мои чувства смущались не так сильно. Хотя, куда уж больше.

От двери в спальню ситуацией забавлялась ее создательница.

Я начал от выемки между ключицами. Среди выпучивших «глаза» удивленных грудей появились первые буквы: «Ква»...

– Крупнее! – прошипела Настя. – Не шпаргалку пишешь. А то заставлю переписывать – минимум десять раз, как в детстве, когда у детей почерк хромает. Кстати о почерке: пиши четче!

Я продолжил выводить: «З»... «Д»...

«И» пришлось рисовать уже около ямки пупка. Осталась всего одна «К».

– Не сокращай! Не «Квазик» пиши, а полностью!

– Не поместится.

– Вот уж неправда. – Настя искренне веселилась, заодно мстила за ненаписанный диплом. – Боишься, что в самый пикантный момент Теплица очнется?

Это действительно напрягало. Однако, признаваться не хотелось.

– У меня алиби: меня заставили. Все претензии к правообладателю желаний.

– Как же я устала от умников. Давай слизывай последнюю букву и пиши как следует.

После того как Люську помыли, она не вызывала прежнего отторжения. Сейчас передо мной лежала спящая красавица, почти сказочная, если не приближаться к лицу. Главное, что требовалось от рыцаря – ни в коем случае не разбудить заколдованную деву. В любую секунду чары могли развеяться, тогда принцесса обратится в злую ведьму, и рыцарю настучат по тылке. Самое обидное, что, будучи несправедливо обиженным, он не посмеет дать сдачи, потому что рыцари принцесс не бьют.

Помада размазалась языком по нежной глади, затем губами я тщательно впитал все лишнее. На очищенном холсте рука художника завершила начатое. С последней буквой, как я и предполагал, пришлось помучиться. Пульс из рваного перешел в сплошное стрекотание, грудь хотела взорваться и при выдохе могла сдвинуть паровоз. Простит ли меня Теплицына, когда узнает, каких заповедных кущ достиг предел моих художеств?

Не когда, а если. Не надо, чтобы она узнала. Я, конечно, не виноват, меня заставили, но объяснить это, боюсь, будет трудно.

С чувством выполненного долга я оглянулся:

– Так?

– Отлично, переходим к основному этапу. Не отворачивайся, а то скрываешь самое прикольное, это же спектакль для победительницы, в конце концов. Лезь на кровать с другой стороны и приступай к самому приятному.

Если б не полумрак, мне никогда бы не решиться на подобное. Ночь и предвкушение делали свое дело, от двери подначивала соблазнительная зрительница, и мои колени продавили матрас рядом с Люськой. Ладони оперлись о покрывало. Голова, как у зверья на водопое, склонилась над молочной рекой с медовыми берегами.

– Молодец. Давай!

Поле для действий несравнимо превышало слизанную ранее «И». Лоб вспотел, язык конфузливо начал с верхней «К», хотя о стыдливости в сложившейся ситуации речи идти просто не могло. Ничего, выиграю – отомщу. Подвыпившая баловница настроена на долгое веселье, вот и повеселимся.

«В». Полет нормальный. Хорошо, что я писал острием помады, стоило надавить сильнее, и тогда не факт, что губы и язык справились бы. Для удаления улики пришлось бы снова тащить Люську в ванную.

При слизывании «А», утопленной в пологой ложбинке, то нос, то подбородок касались мягкого окружения. Уши горели. При каждом движении челка окучивала маленькую красную корону, невесомым поглаживанием превращая ее в шляпу колдуньи. Со стороны, наверное, смотрелось очень эротично. Любопытно, что сейчас чувствует Настя. Она же должна что-то чувствовать?

– В следующий раз надо загадать такое же со мной, – подбадривала (или подстрекала?) она меня от двери. – Даже завидно. Если мертвое тебя так оживляет, то живое, наверное, вообще убьет?

Я не отвечал. Мне было стыдно за себя и свой организм. И мне было здорово. Все же, такого приключения в моей жизни еще не было.

Следующие три буквы дались быстро, а с «П», окружавшей пупок, пришлось повозиться.

Борьба с запупковой «И» заставила зрительницу искать новые места для обзора. Настя несколько раз меняла дислокацию. Честно говоря, я на такое тоже посмотрел бы.

Осталась последняя буква. Я перевел дух, довольная провокаторша выбрала лучший ракурс для поглощения зрелища, и я вновь нагнулся.

По глазам ударила вспышка – безмолвно, словно молния в комнату залетела, а гром все еще добирался. Мир исчез, в глазах плясали пятна. Через пару секунд в проеме двери проявился размытый силуэт.

– Сотри, – потребовал я, на ощупь сползая с кровати.

– Стереть – это желание, а ты еще не выиграл, чтобы требовать. – Засняв роскошную сценку на камеру телефона, Настя прятала его за спиной от возможного рывка с моей стороны. – Можешь, конечно, применить силу, но тогда мне придется защищаться всеми способами, как умею: царапаться, кусаться и диким ором звать на помощь. Думаю, тебе проще дожждаться выигрыша. Раздавать?

Пришлось совладать с собой. На новых условиях игра продлится чуть дольше, чем хотелось бы, подождать – не проблема. Концовка известна, и когда придет время – ох, отыграюсь...

Передо мной упала первая карта. Вторая еще вытягивалась из колоды, когда я схватил Настю за руку.

– Ты сейчас снизу брала.

– И что?

– Могла подсмотреть при перемешивании. А мне даже сдвигать не давала.

– Хочешь сказать, что я шулерничаю?!

– Хочу сказать, что могла, а когда дело касается игры, возможность приравнивается к применению.

Два взгляда долго жгли друг друга напалмом. Наконец, Настя отвела глаза.

– Ты первый, кто заметил. – Ее пальцы еще раз перетасовали колоду, на этот раз со скоростью фокусника. – Ладно, поймали – значит, проиграла. Говори желание. Учти, оно последнее, больше не играем. Как понимаю, ты хочешь, чтобы я стерла снимок?

Я встал перед ней в полный рост. Взгляд опустился на то, что было призвано отвлекать меня от карт. Собственно, оно и отвлекало, но теперь у меня появились на него другие планы.

– Ты понимаешь неправильно.

Глава 6

Утром разбудил звонок. Возможно, раньше был еще один, но сил, чтобы продрать глаза, не хватило. Или мне приснилось?

На этот раз я справился. А времени-то – о-го-го! Вот тебе и только что лег. Все в мире относительно, особенно, когда ни жив ни мертв и спишь на ходу.

Звонил Гарун.

– Как отдохнулось? – донесся его бодрый голос. – В первый раз ты не ответил, а здоровый сон – признак хорошего отдыха.

– Нормально отдохнулось, хотя такого слова не существует. А тебе?

Его вчерашний уход мог закончиться чем угодно.

– Обошлось разговорами.

– Замечательно. Всегда бы так.

– И я о том же.

Он помолчал пару секунд, за которые я принял вертикальное положение, а мой организм окончательно проснулся. На соседних кроватях, составленных практически впритык, похрапывали мои сокомнатники. Почти никто не среагировал на поднявший меня звонок, а кто среагировал, тот снова отключился, едва понял, что звонят не ему.

– Вчера с Мадиной разговаривал? – спросил Гарун.

– Да. – Я не стал вдаваться в подробности.

– Видел, как она здесь изменилась?

Понятно, что вопрос вовсе не о внешности, ставшей весьма привлекательной.

– Ей нравится местная жизнь, – сказал я.

– Пора увозить от здешних соблазнов. Она смотрит на окружающих и начинает позволять себе больше, чем положено девушке с Кавказа.

Хотелось вставить, что окружающих, с которых она берет пример, можно бы выбрать и получше. Каждый сам решает, с кем дружить и каким быть. Например, Хадя не повелась на развеселый блеск будней собравшейся вокруг Гаруна молодежи. Значит, не в местных условиях дело.

– Мы уезжаем, – выдохнул Гарун, заканчивая мысль.

– Когда?

– Через пару недель.

– Насовсем?

– Мадина – да. Родители решили, что хватит с нее учебы, замуж пора.

– Но ей... сколько лет?

– Для замужества более чем достаточно. Уже и Хадю можно выдать, если потребуется. Слава Аллаху, у младшей таких заскоков нет, за ее будущее я спокоен. А с Мадиной, сам видишь, надо торопиться. Будущего мужа она еще не видела, это выбор родителей, но выбор отличный. Высокий чин в тамошней местной администрации. Мадина станет его второй женой.

Я поперхнулся. Второй. Ладно, порадуемся, что не четвертой или... сколько там было у султанов и падишахов? Любопытно, что по этому поводу скажет сама Мадина. Обязательно надо спросить. При ее вывернутом в обе стороны мировоззрении ситуация просто офигительная. Для полуфеминистки – стать второй женой!

– Ты говорил, вторыми женами у вас любовниц называют.

– Сейчас многие имеют по несколько жен, – объяснил Гарун. – Законы не позволяют оформить такой брак легально, и люди живут на несколько домов, а Мадину этот большой человек берет именно в свой дом. Мне кажется, она получит все, о чем мечтала: поездки за границу, прислугу, дорогие украшения и автомобили, шикарные отели и курорты... Для девушки,

которая ничего не умеет и ничего из себя не представляет, лучшего не придумать. Ни готовить не придется, ни убираться, только взор мужа радовать.

Только взор? Бесплатный сыр кладут исключительно в мышеловку, иначе он либо не бесплатный, либо сгнивший.

– Как понимаю, муж будет в два-три-четыре раза старше?

– Для семейной жизни это непринципиально. Даже хорошо. Каждый получит то, что хочет.

– Ты уверен, что сестра хочет именно этого?

Гарун опешил:

– А ты своей сестре счастья не желаешь?

– Не уводи разговор в сторону.

– Не увожу, а как раз подвожу. Если ты увидишь что-то, что для твоей сестры лучше, чем она сама представляет, неужели не сделаешь ради нее все возможное и невозможное? Я о своих сестрах забочусь так же.

– Рад за них. Точнее, за вас.

– И я о том же, – выдохнул Гарун. – Гора с плеч.

– Осталась еще одна.

– Шутишь? Хадя не гора, а впадина, и она заполнена чем надо. Короче, меняй планы, приглашаю на свадьбу. Давно в горах не был?

– С отъезда.

– Там многое изменилось.

– Чувствую. Насколько помню, раньше сестрам роль второй жены не готовили.

– Не говори так. – Голос Гаруна ушел в низы. – И то, что она вторая, не все будут знать, это информация для своих. Ты – свой. Не надо портить мнение о себе.

Гарун отключился, а я еще с минуту бессмысленно глядел в ту же точку на стене, что и во время разговора. Снова ложиться? Поздно, сокомнатники уже ворочаются, сейчас начнутся процессы брожения и преобразования. Я поспешил в ванную, пока не заняли.

Пока брился и умывался, мысли приняли другое направление, стратегическое: сессия окончена, можно сгонять на недельку домой, затем – поездка на Кавказ, где так давно не был. По возвращении займусь поиском работы. Лето, начавшееся столь замечательно, нужно провести с толком.

Насчет «замечательно» – не для красного словца. Тело казалось тяжелым, но каждая отдельная клеточка парила в невесомости. Я был выпит, высушен и выпотрошен, Настя выжала меня до последней капли, и теперь я походил на апельсин, по которому проехал каток, причем проехал неоднократно. Работоспособности и энтузиазму катка стоило позавидовать. Иногда он перегревался, и водитель выходил покурить или ненадолго засыпал на рабочем месте. Мой обеспеченный наблюдательностью выигрыш ограничивался рамками одного желания, но количество того, что находилось внутри рамок, не ограничивалось. В результате расчет по обязательствам длился несколько раундов, а завершился он только с рассветом, когда в зашторенной комнате внешний свет стал мощнее так и не погашенного светильника.

Происходившие рядом безобразия Люську не разбудили, что казалось просто ненормальным. С другой стороны: а что бы мы сделали, если бы она проснулась? Я бы сбросил с себя любую ответственность и ушел в глухую оборону, объяснения и дальнейшие переговоры легли бы на плечи Насти. Кто придумал, с того и спрос, в этом плане я горячий сторонник равноправия.

Перед уходом из квартиры я совершил неблаговидный поступок. Вынужденный. Главный человеческий инстинкт блаженно почивал, дальше меня вел инстинкт самосохранения. Обстоятельства требовали принять меры, и, наступив на горло собственным принципам, такие

меры мне пришлось принять. Совесть укоризненно покачала головой и отвернулась, когда я полез в сумочку счастливо отключившейся Насти.

Ха-ха. Телефон, в котором остался некрасивый снимок, оказался на блокировке. В отместку я устроил фотосессию с обеими спящими подружками, благо вспышка на рассвете не требовалась. Позже сообщу, что у меня тоже завелся компромат... если Люська с Настей посчитают такое за компромат. Посмотрим. Уходя, я шепотом попросился с раскинувшейся во сне Настей, чья растрепанная голова на миг приподнялась с ковра: мол, где я, кто это, и что, вообще, происходит?

«Спи, все хорошо», – сказал я.

Она послушно закрыла глаза.

Я ушел, аккуратно прикрыв за собой входную дверь. Щелкнул автоматический замок, и жар прошедшей ночи остался за непреодолимой преградой. Подъезд встретил прохладой, улица заставила зябко передернуть плечами, а пеший путь домой окончательно отрезвил. Мозги включились.

Было бы здорово, если Настя, проснувшись, подумает, что ночь со мной ей приснилась. Из возможных развитий событий такой вариант был наилучшим. Для всех. Кроме моей гордости. Черт подери, ведь было же все это, было, и еще как было!

А рассказать никому нельзя. На меня глянут как на вруна или озабоченного психа, и однажды Настины приятели объяснят где-нибудь в укромном месте, что нехорошо возводить гнусный поклеп на чудесную девушку. Настя и Кваздапил, феерическая роскошь и тоскливая несуразность, огонь и вода в одной постели – кто поверит в невозможное?

Я бы сам не поверил.

Приятели потихоньку вставали, проклиная весь белый свет, мешавший насладиться заслуженным отдыхом. Комната стала напоминать вольер для коал и ленивцев. Согбенные фигуры поднимали себя с помощью мата и в порядке очереди плелись в сторону ванной. Зато оттуда выходили совершенно другие люди. Именно люди, а не унылые силуэты и оболочки.

– Мы – в клуб, – проинформировал меня Игорь, один из сокомнатников. – Пойдешь?

Он встал следующим после меня и уже преобразился.

– Чего я там не видел?

– А чего ты здесь не видел?

– За пребывание здесь не нужно платить.

– Деньги кончились? – догадался Игорь, в этот момент поливавший себя одеколоном, от запаха которого сам едва не задохнулся.

– Одолжу! – предложил Артур, единственный из нас, кто уже нашел летнюю подработку. – Мне вчера аванс выдали.

– Не надо, – сказал я, укладывая вещи для поездки домой.

– Домой едешь? – дошло, наконец, до всех.

Тот дом, откуда каждый приезжал, оставался домом, а эту квартиру столь высоким статусом награждали редко, в силу необходимости. Две состыкованных спинками кровати вдоль одной стены, два скрипевших шкафа по другую и четыре кровати посередине, где личные и лишние вещи складывались, за неимением тумбочек, на пол под кроватями. По узким проходам пролегали дорожки из коврового материала. Три стула тоже играли шкафов, по одному на каждую пару проживающих. Это – дом? Нет, это место пребывания – с личным пространством в виде индивидуального отделения в холодильнике и полки с вешалками в шкафу. Вообще-то, Мадина права, шесть человек для однокомнатной квартиры – многовато, но мы привыкли. Теснота не замечалась, а плюсы такого существования, вызванные многократной экономией, перевешивали любые минусы. Об остальном мы всегда договоримся.

От меня, наконец, отстали. Завязалась веселая перебранка, попутно сокомнатники вспоминали, кто и что творил в кегельбане на прошлой неделе, а также не появилась ли у кого-то

возможность пригласить девчонок в количестве от одной до бесконечности. Если точнее, то от бесконечности до хотя бы одной.

Возможность, как я понял, отсутствовала.

Дождавшись ухода раздухарившейся компании, я сверился с расписанием электричек. Времени до отправления ближайшей – навалом, вокзал – в десяти минутах ходьбы, можно потешить себя редким удовольствием – в тишине и покое понежиться в горячей воде.

По захламленности ванная комната превосходила спальню и кухню вместе взятые. Зава- ленная вещами стиральная машина по одну сторону, пожелтевшая раковина умывальника по другую, сверху – белье на веревках между стенами. Сзади, на внутренней стороне двери, – полотенца на изображавших вешалки гвоздях. А впереди оставшееся место занимал коричне- вевший потеками зев пластиковой ванны. Если закрыть за собой дверь, то, встав на пяточок зеленого кафеля, даже рук не поднять без угрозы что-нибудь уронить.

В ванне валялись брошенные кем-то грязные брюки. Я убрал их в полиэтиленовый пакет, сполоснул белую посудину, набрал воду и, раздвинув сушившееся на веревочках белье, на- конец, погрузился в нирвану. В нирваННу – раскинув повисшие плетьюми руки и выпиравшие из океана блаженства острова коленей. Пейзаж просто чудесный. Какие Мальдивы, какие Сей- шелы, вы о чем? Полная ванна горячей воды и никого рядом – вот высшее удовольствие! Голова откинулась на холодный бортик, глаза закрылись. До чего же хорошо...

В притворенную дверь ванной комнаты раздался стук.

– Можно?

Разморенный и расслабившийся, я собрался заорать на кого-то из вернувшихся, однако, не дожидаясь ответа, вслед за стуком ко мне беззастенчиво ввалился...

Неправильно сказал. Потому что не ввалился, а валилась.

Глаза у меня полезли из орбит, а рот немо разевался по-рыбы в поисках приличных выражений: излом черных бровей... узкие скулы... четко очерченные губы...

Обладательница давно отмеченных мной длинных ног и вкусных подробностей, которой скорее пристало быть услугой повелителя Блистательной Порты, стояла передо мной во всем тщательности отрететированном, вымученном у зеркала, великолепии. Ее глаза искрились, губы расцвели улыбкой:

– Привет. Это я.

– Но как...

Прикрывшийся ладонями, я ошалело смотрел на Мадину как на привидение. Она по определению не могла тут оказаться: не знала, где живу, не могла миновать запертой за ушед- шими друзьями двери...

– Нашла тебя просто: спросила, показали. На лестнице узнала, что другие отправились играть в боулинг, а ты отказался.

– Я домой собираюсь. К родителям. Готовлюсь, вещи собираю.

– Помочь?

– Не надо! – Я испуганно дернулся, не зная, что еще взбредет в голову непредсказуемой посетительницы.

– Как хочешь. Женщины лучше умеют обращаться с вещами, вот и предложила.

Одетая в накиннутую на платье куртку Мадина стояла надо мной без тени стеснения и раз- глядывала забитое вещами помещенье, неотъемлемой частью которого был я – старательно прятавший хозяйство под решеткой скрещенных ладоней, в которых оно едва помещалось. Самое глупое и обидное в этой ситуации, что почему-то именно я чувствовал себя виноватым. Так не должно быть, но было. Я перешел в наступление:

– Как нашла – понятно, а как попала внутрь?

– Дверь была не заперта.

Мадина вела себя так, будто ничего особенного не происходило, а мне было нестерпимо стыдно. Моя нагота, показное равнодушие госты, простреливавшей шаловливыми намеками, что равнодушие именно показное... Долго так продолжаться не могло. Лежа перед Мадinou, словно поросенок на столе кверху лапками, невыгодно для мнения о себе и некрасиво раскоряченный, я глядел на незваную гостью, такую шикарную, знойную, томную...

Нет. Какая бы ни была, она сестра друга.

Впрочем, как женщина...

Я судорожно сглотнул. Такие красавицы не ходили ко мне в гости, и я к ним не ходил. «Ко мне» и «к ним» – естественно, не только в территориальном смысле. Настя сегодня ночью – исключение, подтверждающее правило, она единственная, кто снизошел до моей персоны, и то на чужой территории и просто от скуки. Окажись на моем месте кто-то другой, Настя не заметила бы разницы. Красавицы с идеальными на мужской взгляд фигурами и лицами были обительницами параллельного мира, они жили в недоступной для меня вселенной и со мной не пересекались (во внеучебное время). И не имели желания пересекаться. Ответно я не жаловал их, называя пустышками и потаскушками. По большому счету, Мадина в мое определение тоже укладывалась, пусть и с натягом.

Представитель иной планеты почтил посещением наш серый скучный мир. С этим требовалось что-то делать. Для начала нужно прояснить непонятное:

– Дверь в ванную не заперта, потому что незачем запирается, когда я в квартире один. Вопрос в другом: как ты попала в квартиру?

Придержав низ куртки, Мадина присела на бортик ванны и улыбнулась, игриво поиграв бровями:

– Сказала одному из твоих сожителей, низенькому очкарику, что ты обещал дать кое-какие книги, мне их нужно срочно забрать. Он без разговоров отдал свой комплект ключей. Вот, оставляю, чтоб не забыть. Передашь?

Позвонив перед носом, словно колокольчик, небольшая связка упала поверх тряпок на стиральной машинке. Мадина, кокетливо играя черным локоном, вновь перевела взгляд на меня. Смущения – ни в одном глазу.

Н-да, ситуевина. Похоже, из-за ожидания чего-то подобного родители и решили вернуть развеселую дочку домой.

– Я скоро уезжаю. – Мадина опустила руку в воду и механически зачерпнула.

– Знаю, Гарун звонил.

– Уже? Быстро же растрепал, хотя не должен. А говорят, будто женщины – сплетницы.

– Я приглашен на свадьбу.

– Жаль, что мне, в отличие от тебя, отказаться нельзя. С удовольствием поменялась бы местами.

– Что думаешь по поводу многоженства?

– Он и это раструбил?

Мадина тоскливо смотрела, как вода стекает сквозь пальцы обратно в ванну. Процедура повторилась неоднократно. Абсолютно голый я, находившийся ниже ватерлинии, беспардонную гостью вроде бы не интересовал, но так только казалось, иначе она не сидела бы здесь с упорством пса, ожидающего кормежки.

– Тебя не смущает, что я перед тобой в таком виде?

– Меня? – Мадина сделала большие глаза, ее взгляд ехидно переехал на мои скрещенные ниже пояса руки, основательно задержался там, пристальный и изучающе-задумчивый, и через жаркую вечность вернулся на лицо. – Нет. А тебя?

– Несколько да, поэтому не могла бы ты...

– Конечно, могла бы! – перебила Мадина. – Какой разговор! – От нее искрило нездоровым озорством, от которого легко прикуривались бы сигареты и автомобили. – Понимаю, нужно быть в равных условиях, и чтобы тебя не смущать...

Она сделала то, чего я не ожидал. Одно за другим куртка, платье и прочее полетело в сторону.

– Мадина!!!

– Сейчас-сейчас...

В своем плачевном положении я не мог воспрепятствовать ничем, кроме гневных окриков, а они не работали. В несколько движений нахальная гостья осталась исключительно в природной одежде.

– Вот так – хорошо? – Она влезла в воду со стороны ног, плюхнулась между моих коленей, а свои перекинула мне через бедра.

Верхнее отверстие ванны на миг шумно захлебнулось, его заткнула откинувшаяся спина Мадины. Над моим животом свелись вместе белые коленки.

– Теперь мы равны.

Искательница приключений нашла их и здесь. Меня пробурывил горячий взгляд.

– Вообще-то я имел в виду несколько иное... – проговорил я запоздало, чувствуя, как чужие ноги стискивают мне бока. Будь у меня лишних килограммов на пару больше – не поместиться нам тогда в одной ванной...

Вот же, опять ванна. Вчера ванна и сбрендившая девушка, сегодня то же самое...

В новой диспозиции мои ладони оказались в опасной близости от никак не предназначенных для них чувственных безобразий.

– Но ведь так тоже неплохо, согласишься? – нервно хихикнула Мадина.

Она тоже чувствовала себя не в своей тарелке, но отчаянно храбрилась.

Если называть вещи своими именами, то она была в моей тарелке. Теперь мне понятно, почему медведи из сказки так ополчились на Машу. «Кто спал в моей постели?! Кто ел из моей тарелки?!» Пусть Маша пришла сама, а ее возраст и внешние данные могли показаться медведям достаточными, чтобы женить на ней, скажем, сыночка (это же сказка, там все в конце концов женятся), но медведь и человек – разные виды! В переводе со сказочного – разные люди. Категорически разные. Сказки – ложь, да в них намек.

Я проворчал:

– Что плохо, а что хорошо, определяет воспитание.

– И окружение.

– И традиции. Имею в виду национальные.

– У нас многонациональная страна. Будь я в восторге от обычаев гор, я осталась бы в горах. Возможно, после свадьбы я перееду в Москву. Все для этого сделаю. Четыре стены...

– Жгучий взгляд с тоской пробежался по тесноте ванной комнаты, длинные волосы, понизу расплывшиеся в воде, отрицательно мотнулись. – Это не для меня. Я вижу свое будущее по-другому.

Кто же тебя спросит, хотелось сказать, но это укус на кровоточащую рану, и я вернул собеседницу в реальность:

– Ты горянка, ты должна...

– А ты не горец и не должен, – со злостью перебила Мадина. – Хватит о традициях. Скажи честно, тебе нравится? – Весомые достоинства взвились, словно белые флаги капитуляции, а ладони их хозяйки с чувством огладили демонстрируемые подробности. – Скажешь «нет» – я сейчас же уйду. Но если соврешь...

– Как же ты узнаешь, что я вру?

– Заставлю убрать ладони.

И Мадина поняла, что раунд остался за ней.

– Как мне теперь смотреть в глаза Гаруну? – хмуро осведомился я.

– А как ты в них смотришь, зная, что больше половины твоих сокурсниц он видел в еще худшем виде? Заметь, я употребила слово «видел», хотя могла бы другое, о котором ты догадываешься. Русский язык богат на емкие глаголы.

Удар, что называется, под дых. Возражения увязли где-то между душой и горлом.

Впереди за хрупкой шейкой текла водичка, плавали и извивались намокшие локоны. Встречный взгляд выжигал остатки здравомыслия, как огнеметом. Мозги ушли в отпуск, по пустому черепу гулял сквозняк. Нет, одну мысль инстинкт самосохранения подкинул:

– Как же тебя отпустили?

Подтекст прозвучавшего: искать не будут? Если в таком виде найдут у меня...

– Я не собачка на привязи, пусть моим близким и хочется посадить меня на цепь.

Мы снова умолкли.

Что я мог сделать – сейчас, когда слова не действовали? И вообще. Что же у меня за дни такие начались, критические? Вчера одно, сегодня – вот такое другое, хлеще прежнего. Что при таком начале будет дальше? И, кстати, почему для своих чувственных опытов безупречно сложенная хулиганка выбрала меня? Тихий, скромный, всеми забытый, ничем особым не выделявшийся... Или именно отстраненность от общей тусовки сыграла роль? И моя репутация безопасного честного человека, который никому и никогда не раскроет чужих тайн? Или... своих тайн? Которые, как подразумевается, теперь будут.

И все же. Мадина, к которой меня тянуло все сильнее, была сестрой друга и человеком другой культуры, пусть и не скрывала ироничного и даже высокомерного отношения к родной культуре. Она сама пускалась в непотребные авантюры, но я не мог стать соучастником. Это как если бы на ее месте сейчас оказалась Хадя или, к примеру, моя сестренка. Даже представить невозможно. Как гей-парад в Грозном или открытый для всех желающих нудистский пляж в Махачкале.

Впрочем, можно ли наших с Мадриной младших сестер ставить на одну доску? Пройдет время, и насмотревшаяся телевизора, наслушавшаяся подруг, излазившая интернет моя Машенька однажды созреет, чтобы переступить бортик такой ванны, в которой будет плескаться кто-то из моих нынешних друзей. И они не посчитают это ненормальным. Таковы новые традиции, такова плата за свободу, которая есть у каждого, кто согласен отвечать за нее.

Но Хадя... Никогда. Она и чужой мужчина в ванной, не муж, – это две разные вселенные. Хотя сестры очень похожи внешне. Почти копии, но Хадя – уменьшенная и смягченная, резкие углы заменены плавными изгибами, дерзость во взгляде – кротостью и доброжелательством. И нет такой ценности в мире, какую я не отдал бы, чтобы вместо шалуни Мадриной моих ребер, бедер и голеней касалась ослепительно-солнечная Хадя...

Фантазия отключилась, отказываясь даже воображать подобное. Хадя была не такая. Она даже теоретически не могла оказаться на месте аферистки-сестры. Повторяю: даже теоретически.

Легкие случайные покачивания вернули меня от теории к практике. Покусывая нижнюю губу, колыхавшая воду нежданная собеседница проговорила с плутовским прищуром:

– Мне хотелось сказать тебе одну вещь... ради которой, собственно, я пришла. Меня увозят, ты об этом знаешь, но ничего не делаешь.

На меня будто уличный столб упал:

– В каком смысле?

– А как же данное тобой обещание?

– Какое?! – Я едва не поперхнулся.

Никаких обещаний не было! И не могло быть! Я не даю обещаний сгоряча, потому что привык выполнять каждое слово – каждое! – любой ценой.

– Вчера, – напомнила Мадина. Ее очаровательная головка склонилась набок, забавно поводя вверх-вниз красивыми бровями.

Всплыло: «Ты мог бы украсть невесту?»

Память перегрелась в режиме аврала: разве дошло до обещаний? Нет, вчера эта тема себя исчерпала, не начавшись. Тогда...

Ччччерг!!!

– Вспомнил? – Соблазнительная бесовка повозила ногами, создавая легкую волну. – Ты обещал рассказать о том, о чем мне поговорить не с кем, и как у тебя было... это.

Для иллюстрации туманного понятия низ соседнего тела толкнул меня под водой. Касание нежных зарослей содрогнуло ожогом встречи синтетики с утюгом. Мадина взбудораженно замерла:

– Ну? Ты ведь обещал?

– Не обещал, а был подловлен на слове. И сейчас категорически не та ситуация, чтобы я мог говорить о...

– А какая сейчас ситуация?

Игра кошки с пойманной мышью могла продолжаться долго, так как мышь была в трансе. В желании превратиться в улитку и спрятаться в непробиваемый недоступный домик.

В своем новом состоянии я не мог встать первым и уйти, организм предал меня, ладоням не хватало места.

– Не та, – с тупой упертостью повторил я намного тише.

– Другой не будет. – Мадина развела руками, а потом, не зная, что с ними делать, положила их мне на торчавшие коленные чашечки, обрамленные чуть не вставшими дыбом волосками. – Ты это тоже понимаешь. А слово дал. Если ты мужчина – придется говорить сейчас.

Выпад с последним обвинением был наивным и глупым до крайности, но погружением в детство с его взятием «на слабо» он заставил меня внутренне улыбнуться и протрезветь от пьянящего безумия. Часть крови вернулась в голову и пнула ее, заставляя работать, и та, скрипя и сопротивляясь, приступила к обязанностям.

Для начала надо понять главное: чего перешедшая все границы баловница ждала, когда залезла в ванну к обнаженному мужчине? О нескором возвращении сокомнатников Мадина знает не хуже меня, и ответ получался единственным, для меня неприемлемым. Надо прекращать комедию.

– Если слово дано, его нужно выполнять, – сказал я, рывком коленей скидывая с них девичьи ладони. – С одним условием.

В ожидании подвоха Мадина напряглась, за темными зрачками начался мозговой штурм. Она заранее готовилась к новому раунду словесно-телесной баталии.

Я объяснил:

– Это произойдет на кухне за чашкой чая. То есть, ты сейчас немедленно встанешь, оденешься и выйдешь, там и поговорим.

Меня уничтожающе просверлила вспышка едва сдержанного гнева, и соседка по водоплаванью процедила сквозь зубы:

– Условие единственное? Даешь слово?

Я помедлил немного в поисках подводных рифов, что грозили бы пробойной и полным крушением планов. Таковых не обнаружилось. Последовал кивок.

– Тогда у меня тоже дополнительное условие. Совсем маленькое.

– Не пойдет.

– Это нечестно!

– Нечестно ставить меня в некрасивое положение по отношению к моему другу и твоему брату, – парировал я.

– Все равно, если ты не согласишься, то я не встану первой. Наоборот, я восприму это как твое желание поглазеть на меня. Еще и обижусь.

– Поглазеть?! Обидишься?! Ты?!

– Скажешь, это не так?

– Сдалась ты мне сто лет!

В опровержение декларируемой позиции взгляд-изменник метнулся вниз, на гладь матовых островов, подсвеченных лампой, они контрастировали с Куинджевской чернотой намокших понизу темных прядей и дьявольскими магнитами глаз. Мадина знала себе цену и пользовалась этим, партия шла не на равных. К сожалению, это понимали мы оба. К сожалению для меня.

– Да я вообще отвернусь или закрою глаза!

И я отвернулся в сторону.

Было бы куда. От себя не убежишь. Чего не видели глаза, чувствовала кожа и помнила память. Особенно не давала покоя родинка на груди. Надо же расположиться в таком месте, чтобы всегда быть на виду. Теперь, зная о родинке, разве забуду я весь пейзаж при каждом взгляде завтра и всегда?

– Хорошо, – сдалась паршивка, при этом явно что-то замышляя. – Закрой глаза обеими руками, и не подсматривать, договорились?

– Догово... Стоп!

– Нет, уже договорились! – всохотнула Мадина, и ее ладони хлопнули меня по коленям.

Понизу пошли теплые волны.

– Нарочно, да? Нравится меня в угол загонять? Садистка!

Довольно улыбаясь, Мадина пожала плечами:

– Тогда возвращаемся к прежнему условию, в нем было, чтобы я встала, оделась и вышла.

Но мне нужно еще вытереться. Это сделаешь ты.

Белозубая улыбка ударила меня по глазам.

Интересно, сколько бедолаг уже попало в сети вертихвостки, которую всемерно оберегали от чего-то подобного все окружающие, как свои, так и чужие. И как эти бедолагы выкручивались – тоже любопытно. Или... не выкручивались?!

– Хватит. Это уже не игрушки.

Поняв, что при любом раскладе придется унижаться вилять хвостиком во всех смыслах, я сделал простейшее, на что давно решался, но никак не мог. Слова еще вылетали, когда мои руки взялись за голени Мадины и толкнули назад. Нежный, но крепкий захват распался, тела расплелись, и меня, к восторгу Мадины представшего на секунду во всей красе, пулей вынесло за бортик. Я похватал свои вещи, и дверь за мной захлопнулась.

Уф. Чертовка бессовестная. Как теперь в глаза Гаруну смотреть? Мадина нарочно расстраивает нашу дружбу, или это месть за что-то? Скажем, за недостаточное внимание. Фиг ее знает. Чего хочет женщина – того хочет Бог, а пути Господни неисповедимы.

Глава 7

Обтеревшись полотенцем из запасного комплекта, я натянул одежду на сырое тело и тревожно оглянулся на слишком быстро вышедшую из ванны Мадину. Вместо прежних вещей на ней, спускаясь до середины бедер, мешковато висела белая футболка Игоря, самого длинного из моих приятелей. Мадина сняла ее с веревки, где та сушилась. Футболкой одеяние и заканчивалось.

– Изображая испуганного кенгуру, ты намочил мою одежду, ей теперь надо подсохнуть. Владелец майки не обидится, что она опять стала немного влажной? Надеюсь, он не заметит, я потом повешу обратно, как было.

Мадина вытерла босые ступни о половичок и оглядела комнату, словно увидела впервые. Впрочем, допускаю, что именно так. Когда она вошла и обнаружила, что я в ванной, могла влететь туда, не глядя по сторонам. В старинной песне звучало: «Первым делом – самолеты, ну а девушки – потом». Мадина жила по аналогичному принципу, перефразированному в гендерном плане. Примерно так: «Первым делом – желаемое, на остальное внимания не обращаем вовсе или вспоминаем о нем, когда не о чем поговорить».

Мое жилище произвело впечатление. Спартанская обстановка. Ничего лишнего. Глухие занавески без всякого тюля (зачем его, вообще, придумали, кроме как пыль собирать?) Шесть суровых мужских кроватей – мятых, пыльных, с кучей вещей поверху. На стенах – ни постеров с актрисами-певицами или другими голыми бабами, как любят одинокие парни, ни даже часов. Часы у каждого были в телефоне, а у самых крутых еще наручные. Портить стены запретили хозяева квартиры. Для излишков у нас были шкафы, а для самого необходимого – пол под кроватью каждого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.